

БИБЛИОТЕКАРЬ

Рассказ

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН

г. Липецк

Я мало времени проводил на даче. Наш новый одноэтажный уютный дом со стеклянной верандой располагался на окраине, в двухстах метрах от крайнего старого деревенского дома — старожила этих глухих мест — низенького, деревянного, обитого рейкой и оштукатуренного, сплошь кругом заросшего кустами сливы и черёмухи. Он был ветхим, серым от времени и дождей, штукатурка местами отвалилась, и торчали рёбра обрешётки. Жил в нём одинокий мужик, совершенно спившийся, редко ночевавший дома, а собиравший углы у таких же пьяниц по всей деревне. Говаривали, что он убийца своей жены, бывший арестант. Вёл себя тихо, даже подобострастно ласково,

уничтожительно, так что никогда не сможешь угадать его прошлого. Иногда в ночную пору приходилось тащить его тело, расслабленное самогоном, из-под кустов. Жалко было бросить его на холодной земле в пятидесяти метрах от его старой развалюхи, до которой он не смог дойти.

Уединение было мечтой моей и бегством от суеты и житейского шума. Но те редкие часы, вечера, дни, которые выпадали мне, не могли утолить жажды общения с природой. В созерцательном молчании я наблюдал тихие утра, красноватые верхушки деревьев в свете восходящего солнца и гулкое в необъятном пространстве, звонкое пение пробудившихся птиц. Весна штормом шла по забытой округе — не успеешь насладиться рождением жизни, как всё уже наполнено такой густотой трав в саду и листвы на деревьях, что невольно задумаешься, как идеи Бога находят своё воплощение: из замысла немедленно творят себе форму с такой страстью, что, кажется, ничто не может их остановить.

Сад с каждым годом разрастался, черешни, груши, сливы начали обильно цвести и плодоносить. Птицы порхали с ветки на ветку и весело чирикали. Дрозды, трясогузки, пролетали вороны в дождливую и сырую погоду, каркая на всю округу, кружили коршуны, высматривая зорким глазом добычу на земле.

Под крышей гостевого домика, в узкой щели, трясогузки свили гнёзда и отложили яйца. Я наблюдаю за ними каждый год. Они прилетают из Южной Африки и селятся в нашем саду. Во всё время жизни в соседстве с этими живыми, энергичными птицами кажется, что они мои давние друзья, с которыми я познакомился с момента моего переселения из города в деревню. И уже точно я могу с уверенностью сказать, что все они родственники друг другу. Каждый

год они рожают потомство, и родители, и их дети, и их внуки живут всё лето со мной. Грустно бывает осенью, когда в какое-то утро сад затихает, не слышно голоса ни одной из птиц. Я понимаю, что они улетели в тёплые страны. Так тоскливо вдруг станет, так одиноко без них, не только мне, но и моим черешням, грушам, яблоням, без живого снования с ветки на ветку милых, суетливых пернатых друзей.

В конце мая — начале июня они особенно беспокойны. В гнёздах под крышей зреет потомство. Каждый мой подход к домику волнует родителей. Они взлетают, садятся на столбики забора и тревожно восклицают, переговариваясь таким образом друг с другом. Их потомство — маленькие серенькие птички — готовится покидать гнёзда и учиться летать.

Выхожу глубоко пополудни в дождливую погоду и вижу одного птенца на потемневшей куче щебня. Нахохлился, поднимает пёрышки, беспокойно крутит маленькой головкой. Такой крошечный, что, кажется, уместится в ладони. Подхожу ближе и с осторожностью спрашиваю:

— Ты чего тут сидишь? Почему не улетаешь? Дождь накрапывает. Влага намочит твои крылышки, они станут тяжёлыми, и останешься здесь навсегда.

Сжимается, становится маленьким, испуганным и беззащитным. Делаю один шаг ближе к нему, смотрю по сторонам в поиске родителей. Их нигде не видно и не слышно.

Однако скоро будет вечереть. «Может быть, — думаю я, — погорячился птенец. Вылетел из гнезда, да не рассчитал силы».

Иногда по утрам, словно обходчики, к моей усадьбе приходят местные бывалые кошки от соседей. Опытные, заматерелые. Вдруг появляются сейчас, и никто не спасёт маленького смельчака.

Я легонько хлопнул в ладоши. Он сделался ещё меньше. Тревожно крутит маленькой головкой, но сидит и не думает взлетать.

Пойду, подумал я, оставлю его на время. Через час вернусь вновь. Если окажется на месте, приму меры. Так и сделал, только малыша уже не было на куче щебня. Обсохли крылышки, стали лёгкими, и он, видимо, движимый бес-

смертным инстинктом небожителя, радостно взлетел в небо.

Утром с чашкой кофе выхожу на застеклённую веранду. Сажусь на высокий стул напротив огромного окна в предвкушении радостного переживания от созерцания пробуждающейся природы. Вижу внизу за ступенями веранды, на тротуарной плитке прямо передо мной сидят двое маленьких пернатых малышек. Кажется, один из них мой вчерашний собеседник. Юркие, живые непоседы о чём-то переговариваются. Может быть, вчерашний смельчак рассказывает своему приятелю о приключении, случившемся с ним накануне на куче щебня. Вдруг откуда ни возьмись к этим двум в одно мгновение подлетает ещё один такой же маленький серенький питомец. И они тут же втроем со скоростью света срываются с места и стремглав, как три стрелы, несутся между умытыми дождём вишнями, сливами и черешнями. Этот полёт стремителен, радостен, полон молодой энергии, ловкости и отваги.

Я, глядя на них, вспоминаю себя мальчишкой лет десяти. У бабушки в деревне при ласковом закатном солнце, когда пастухи гонят уставшее от жары стадо поминутно мычащих и бьющих себя хвостами коров по просёлочной песчаной дороге, поднимая облако сухой янтарной пыли, покрывающей плетни и избы, бегу в каком-то необъяснимом восторге от рождающейся во мне силы, ловкости и переполняющей радости, закладывая виражи, утопая босыми ногами в тёплом песке...

А вечером, обходя дом и выдёргивая сорняки из щелей плитки, я увидел в углу между стеной дома и стеклянной верандой рядом лежащих бездыханно двух маленьких друзей моих. Видимо, от неопытности они приняли пространство веранды, загороженное стеклом, за лёгкий свет и воздух, со всего размаху врезались в невидимую преграду и разбились, упокоившись рядом друг с другом. Я скорбно взял в ладошку их маленькие, ещё мягкие тела и похоронил в глубине сада...

Это трагичное событие из жизни птиц напомнило мне одну давнюю историю, произошедшую с моим добрым другом, которая вдруг так выпукло, так ясно встала перед моим мыс-

ленным взором в самых мельчайших подробностях.

Он работал тогда в маленьком районном городке с населением в несколько тысяч жителей. Человек он был по природе добрый, очень отзывчивый на любую бедность и беду. Уйдя в отставку, он поселился в деревне близ города и вёл небольшое хозяйство, скорее для удовольствия, чем для жизни. Денег у него хватало. Украшал свою милую усадьбу посадкой экзотических деревьев и кустарников, строил русскую баню, рыл пруд и приглашал старых друзей из города погостить у него.

И вот однажды летним дождливым вечером из приглашённых друзей приехал я один, другие сослались на занятость или, может быть, испортившаяся погода оказала на них влияние. Они подумали разом, что полноты такого редкого и желанного отдыха не выйдет из-за окладного тёплого дождя и лучше перенести визит на более подходящее время. Действительно, полтора суток без перерыва лил дождь. Узкая асфальтированная дорога вымокла и блестела, как речка, а просёлочная дорога к усадьбе моего друга стала как в весеннюю распутицу. Машину мою поминутно сносило в жирные колеи, к колёсам налипла грязь вместе с соломой, и я двигался с черепашьей скоростью. По крыше и лобовому стеклу автомобиля барабанил дождь, то обильный на степном просторе, то вдруг прекращался под густотой крон мокрых деревьев. Наконец показался луг, тонущий под струями дождя, в сизой дымке сад и двухэтажный дом с блестящей шоколадной крышей.

Я подъезжал к высоким воротам, которые прямо передо мной автоматически стали открываться. Взглянув на дом, я увидел в окне второго этажа улыбающегося своего друга.

— Как я рад, что ты приехал, — встречая меня с раскрытым большим чёрным зонтом прямо у автомобиля, говорил с нескрываемым удовольствием Сергей Александрович, — вот в таких трудностях и проверяется настоящая дружба, — шутиливо произнёс он.

На пороге, закрыв зонт, он обнял меня и прижал к груди.

— Ведь трое отказались приехать, — глядя мне прямо в глаза, проговорил он.

— Я могу их понять, Сергей Александрович, русская дорога — это бездорожье. Не всем она под силу. Избаловала нас комфортабельная жизнь. Советовал бы тебе отсыпать дорогу щебнем.

— Непременно отсыплю! Есть такая нужда. Ну, пойдём... пойдём на второй этаж, покажу тебе свой кабинет. Баней и едой занимается Нина. Нагнала уже хорошую температуру. Дрова, правда, отсырели немного.

Жил Сергей Александрович по-европейски роскошно. Жильё и сад с небольшим прудом устроил по стандартам западной жизни. Слава богу, поездил по европам. Насмотрелся на красоту парков, чистоту и порядок загородных ферм с отелями и ресторанами. Наслаждался дегустиацией тут же производимых на фермах сыров и вин.

Он вошёл в дом, подал мне из низкого шкафчика именные тапочки и с приятной улыбкой сказал:

— Нина постаралась, вышила твои инициалы, чтобы никто их не надевал, кроме тебя.

— Это мило, спасибо ей, — ответил я с искренней благодарностью.

Он прошёл мимо большой, заставленной мебелью гостиной и стал взбегать по деревянной лестнице, увлекая меня за собой. «Что же могло поменяться в кабинете? — думал я. — Ведь я бывал в нём год назад».

Он отворил дверь и попросил меня не входить. Я послушно остановился на пороге и ждал. Когда были зажжены все лампы, Сергей Александрович окликнул меня.

— Друг мой, входи же!

Я осторожно вошёл, почувствовав мягкий ковёр под ногами, и увидел перед собой роскошный деревянный письменный стол на гнутых резных ножках в старинном колониальном стиле, за ним — библиотеку, сплошь заполненную книгами, слева от стола у огромного окна стоял мольберт с неоконченной работой. У стены слева находились подрамники и холсты. Над ними висели завершённые картины.

— Что ты хочешь этим сказать? — недоумевая, спросил я.

— Да, я вновь занялся живописью. Уже год беру уроки у известного художника — и вот результат, взгляни.

Сергей Александрович подошёл к работам и стал раскладывать их. Он поднимал один холст за другим, ставил их у стола, дивана, кресел и заглядывал мне в глаза.

— Как тебе этот пейзаж?.. А этот портрет Нины?.. А вот этот натюрморт с персиками?..

Он был взволнован и суетился, переходя от одной картины к другой.

— А кто изображён на этом холсте? — спросил я, указывая на забытую им работу у стены.

Она особенно привлекла моё внимание. Это был портрет девушки с бледным, исхудалым лицом, русыми волосами, в белой блузе. Утончёнными пальцами, словно у скелета, она держала развёрнутую книгу, как бы протягивая её зрителю. Взгляд тёмных глаз был пронзителен и одновременно отстранён. Будто она смотрела на вас и сквозь вас.

— А, этот... — Сергей Александрович подошёл к нему и поднял. — Понравился портрет?

Он сам рассматривал его уже моими глазами.

— Мне понравилось всё, но этот — особенный.

— Называется портрет «Библиотекарша», — задумчиво произнёс он.

На лестнице, а затем в коридоре второго этажа послышалось движение, и в кабинет вошла Нина, жена Сергея Александровича. Красивая молодая женщина с прекрасной осанкой. В ней чувствовалась порода, даже в простой деревенской одежде. Она была лет на двадцать моложе своего мужа. Любила его не за внешность. Он был обыкновенным. Ценила в нём понимание жизни и её красоты, глубину мысли, щедрость и поразительное сострадание ко всему живому.

— Вот вы где, — весело сказала она и поклонилась мне, — здравствуйте. Вы часом не промокли? Может быть, вам нужна сменная одежда? Я вам приготовила в бане на вешалке. Все вещи стираные, чистые. Не брезгуйте.

Она обернулась к мужу и сказала:

— Серёжа, баня затоплена, напитки и заку-

ска на столе. Извольте потчевать гостя. Иначе всё остынет — и баня, и еда.

— Пойдём, — сказал Сергей Александрович, — позже обсудим всё это.

И мы дружно, следом за лёгкой и весёлой Ниной отправились в баню. С детским смехом дружно перебежали под дождём от веранды до деревянного, потемневшего от дождей домика в глубине сада, примостившегося на берегу пруда. В сухой и тёплой бане пахло дубовыми вениками, липой и чем-то родным, бесконечно русским. Внимательно выслушав наставления Нины, Сергей Александрович поцеловал ей руку и поблагодарил. Она ушла в дом, оставив нас одних.

Он разделся, перепоясавшись полотенцем, начал замачивать веники в деревянном ведёрке с ручками. Я последовал его примеру и с интересом наблюдал за ним. Молчание продолжалось несколько минут и было, кажется, естественным. Но во всём существе Сергея Александровича виделось, что он ждал моей реакции на его страстное увлечение живописью и на те работы, которые он расставлял передо мной, совершенно поглощённый новой деятельностью.

— Заходим, — наконец сказал он, нарушив молчание, и приоткрыл дверь в парилку, которая встретила нас густым, жарким воздухом. — Ах, хорошо Нина натопила! Сейчас погреемся несколько минуток и засядем за стол — совмещающая приятное с полезным.

Я сдался первым, после того как Сергей Александрович плеснул воду из ковша на горячие камни.

— Извини, что спугнул тебя, — выходя, сказал он громко.

Лицо его было красным, глаза блестели, пот капельками покрывал его руки и грудь.

Мы уселись за красиво сервированный стол.

— Серёжа, что заставило тебя вновь взяться за художества?

Он ждал этого вопроса и очень оживился.

— Ты знаешь, я много лет не смотрю телевизор, отказался от телефона. В какой-то момент жизни я почувствовал, что не могу сосредоточиться ни на чём. Я вдруг увидел, что жил и живу среди мелких людей, полных ни-

чтожными интересами сиюминутности. Они не видят красоты мира, они не чувствуют силу мысли, они не понимают значения и смысла искусства, они потеряли связь с живой природой и Творцом. Они не рожают ничего живого ни в чувстве, ни в мысли, ни в действиях. Их речи пусты, праздны, не наполнены жизненным содержанием и смыслами. Их смех не связан с интеллектуальными центрами мозга, он — весь плоть, чувственность и вульгарность. Они не понимают ничего оригинального, ничего, действительно стоящего внимания, и в то же время, как в чьих-нибудь словах возникает по-настоящему интересное и новое сочетание мыслей, на плоских лицах ничтожных людей появляется бессмысленная улыбка. Ничего не может быть мучительнее, как улыбка на лице человека, душа которого закрыта для переживаний красоты. Таких людей, к моему прискорбию, везде большинство. Сердце задыхается среди них. Душа, которая наделена талантом и способна создавать образы в живописи, поэзии и живёт в светлом мире творчества, чувствует себя в современном мире как в пустыне, где редкие оазисы разбросаны на очень далёком расстоянии друг от друга... Как в чужой стране, где не слышно радостных звуков родной речи, где ежеминутно ощущаешь атмосферу вражды и недоверия и где лишь изредка встретишь неожиданную отраду и понимание...

Он замолчал и мучительно смотрел на меня.

— Очень интересно то, о чём ты говоришь. Эти мысли носятся в воздухе, а ты их точно сформулировал, — сказал я, с восхищением глядя на него, понимая, что уединение благотворно действует на него.

— Когда я говорю об этих людях, я в первую очередь говорю о себе. Никого, боже упаси, я не осуждаю. Я один из этих людей... Ты ешь, а то Нина обидится, — на секунду спохватился он. — Знаешь, я вот на что обратил внимание. Что, собственно, заставило меня заниматься заброшенной с самой юности живописью. А ведь я имел несомненный талант. Мы всё время говорим о прошлом с разочарованием ли, с тоской ли, может быть, с грустью. Мы также говорим о будущем — строим планы, мечтаем, рисуем его себе разными красками, иногда

тревожными. Но мы никогда не говорим о настоящем! Мы не живём настоящим, мы словно пробегаем его от прошлого к будущему, не останавливаясь. Нас разучили концентрироваться на вещах, мыслях, чувствах. У нас нет времени анализировать то, что с нами происходит. Ты знаешь, какова статистика аутизма в нашей стране? Она ужасающая. Это не случайность или исключение — это тенденция, путь к хаосу цивилизованного общества, и не только в нашей стране, но по всему миру. Я заметил, что в жизни святых людей была одна черта, которая определяла их внутреннее состояние и рождало в них глубину — сосредоточенность на предмете, на любом деле. Это молитва по чёткам, например. Это точное выполнение послушаний, это работа руками по изготовлению корзин. «Садись, Павел, будем плести корзины и читать Священное Писание», — говорит Антоний Великий ученику Павлу Препростому.

А в русских семьях в царское время девочек учили вязать, шить, вышивать. Они, наши предки, ценили моменты концентрации на любом делании — духовном или физическом, чтобы быть собранными, погружёнными, цельными, потому что только цельного человека окликнет Бог, и он Его услышит. Современный мир разбит, словно разбито древнее зеркало, отражавшее красоту творения, на мелкие кусочки. И я решил собрать себя на делании моей живописи. Надо запечатлеть уходящую красоту мира. Восхититься ей. Остановить настоящее. Ты знаешь, Богу это приятно.

— Это удивительно хорошо, — сказал я, замерзая, — напиши об этих идеях статью, её обязательно опубликуют.

— Среди житейского шума статью даже не заметят. Я могу изменить только себя. Но ты, кажется, замёрз и ничего не поел. Прости, прости меня, я заболтался. Пошли в парилку. Будем греться и потом есть. Нина на нас обидится. Она старалась. Очень хорошо к тебе отнесится.

Мы парились, хлеща друг друга вениками, ели еду, приготовленную заботливой, светлой Ниной, и говорили. Незаметно пробежало время. Когда мы вышли из бани, уже сгустились сумерки. Ветер утих, но дождь всё ещё моро-

сил. Было такое состояние в природе, что казалось, окладной дождь не прекратится ни ночью, ни предстоящим днём. От серого, хмурого неба было темнее обыкновенного. За домом, на востоке, оно было совсем чёрным.

Нина радостно встретила нас у веранды и нашла помолодевшими на пятнадцать лет.

— Вас в кабинете ждёт чай с мёдом и вкусными оладьями по бабушкиному рецепту. А вам, — Нина обернулась ко мне, — я приготовила постель в кабинете Серёжи. В ночь я вас не пушу. Дождь размыл дороги, и вы можете не проехать, не подняться в гору из Вербиловской балки.

— Нина, я поддерживаю тебя, — оживился Сергей Александрович. — Останься, мне есть что рассказать тебе.

Мы поднялись в кабинет, хозяин включил два торшера по углам комнаты и лампу на письменном столе. Расслабленные после бани, запахнувшись в халаты, пахнущие свежестью и чистотой, мы погрузились в мягкие кресла. Дождь едва слышно, равномерно шуршал по стеклу большого окна. Иногда он крупными каплями налетал на подоконник, сбитый ветром с листьев высокой берёзы, которая за окном металась и шумела.

Посидели несколько минут в молчании. Я заговорил первым, потому что Сергей Александрович ждал моего вопроса.

— Серёжа, Нина прервала наш разговор у портрета. Ты, по-моему, назвал его «Библиотекарша». Можно я возьму его и поставлю на видное место?

Сергей Александрович подскочил с кресла сам и направился к стене. Его тень на ковре пошла впереди него. Он поднял портрет и установил у стола. Косо освещаемый настольной лампой, портрет смотрелся ещё выразительнее. Особенное впечатление производили руки и пронзительный взгляд.

Художник уселся против него в кресло и вздохнул.

— Саша... Саша... Шура... Шурочка... — с грустью, как мне показалось, и сожалением проговорил он и добавил: — Так называли девушек с именем Александра в русских деревнях. У меня, к счастью, сохранилась одна-

единственная фотография этой удивительной девушки. Знаешь, когда мы начинаем новые отношения, то уничтожаем все фотографии с бывшей, чтобы не бросить тень старой истории на новую жизнь и не волновать возлюбленную. Я поступил точно так же — сжёг всё! Но в известной книге Николая Васильевича Гоголя, которая, кстати, изображена на портрете в руках у героини, случайно обнаружил единственную её фотографию. Она и стала прототипом картины «Библиотекарша».

Сергей Александрович встал, подошёл к двери в кабинет и поплотнее закрыл её.

— Нина не знает этой истории. Да ей и не надо знать. — Он помолчал, думая, с чего начать рассказ. — Я жил, как ты помнишь, в небольшом городке и в нём начинал свой бизнес, связанный с землёй. Но при этом продолжал преподавательскую деятельность в колледже искусств, не для заработка, а скорее для души. Появлялся в нём редко. Вносил пожертвования от преуспевающего у меня бизнеса. Оконченного мною саратовского художественного училища вполне хватало для провинциального среднего образовательного учреждения. А ведь я мечтал о суриковском институте. Но изменились времена, и все бросились в кооперацию зарабатывать деньги. Мне было тогда тридцать лет, и, казалось, жизни впереди — целый вагон и маленькая тележка.

Саша Грбовская училась там же на библиотечном деле. Я никогда не видел её в колледже. Или видел, но не обращал никакого внимания. Перед госэкзаменами готовился выпускной вечер, и организаторы пригласили меня. Я пришёл посмотреть на счастливых молодых людей и порадоваться вместе с ними. Вот тут-то я и увидел её. Высокая, тоненькая, с русской длинной косой. Платье, похожее на советскую школьную форму, а на ножках — высокие каблуки. Стоит у большого окна залы, отрешённая, одинокая, серьёзная, и созерцает — не участвует в общем веселье. Все девочки смеются, танцуют, шепчутся, глядя на парней, сбившихся в стаю. А она голову держит высоко, с большим чувством достоинства. Знаешь, сразу выделяешь её из толпы — какой-то внутренней неторопливостью, степенностью, глубиной.

Пошёл через всю залу, чтобы пригласить её на танец. Она смутилась, но последовала за мной. Приобнял её за тонкую девичью талию, а она сжалась вся, как испуганная птица, казалось, что её тело, и без того тоненькое, хрупкое, ещё уменьшилось в размерах.

Спрашиваю её, склонившись к самому уху (а девичьи волосы пахнут радостью и нежностью, так что можно задохнуться):

— Как зовут тебя?

— Саша. Александра Гробовская, — тихо отвечает, вцепившись в мою руку.

— Откуда ты?

— Я из дальней деревни Делеховое.

Музыка окончилась, но я не отходил от неё.

— Завтра — на две недели домой, — серьёзно сказала она, — а потом — испытания, — и добавила: — А ты кто и откуда?

— Меня зовут Сергей. Я живу в этом городке, занимаюсь учительством, ещё кое-какой работой. А давай я отвезу тебя завтра в твою деревню! — вдруг осенила меня идея. — Покажешь мне родные места, дом. Может быть, в деревне есть речка, лес?

Она глаза вскинула на меня и спросила с недоверием:

— Отвезёшь? До самого дома отвезёшь меня?

— До самого дома.

— А к нам долго ехать, — сказала, чтоб напугать меня, — деревня наша крайняя. За ней река Мещерка — ни моста, ни дороги дальше нет.

— А автобус-то к вам ездит?

— Ездит, конечно, из районного центра. Утром — в семь часов и вечером — в шесть часов. Два раза в день ездит по расписанию.

— Раз автобус ездит, и я доеду, не заблужусь.

Видя мою решимость и серьёзность намерения, сказала тихо, опустив глаза:

— Если хочешь, отвези. Мне с тобой почему-то не страшно.

Щёки её порозовели. Видно было, что ничего ещё про жизнь она не знает и страшно ей узнавать её. Я подумал тогда о том, как хорошо, что я оказался подле неё на пороге жизни.

— Тебе не надо меня бояться, — сказал я, взяв её за ледяную тонкую руку, когда мы вышли на улицу из гудящего весельем колледжа и направились к общежитию.

Она руки не убрала и вдруг просветлела такой ясной, совсем детской улыбкой, как будто я в одно мгновение уничтожил её страхи перед неминуемой неизвестностью жизни. Если бы она тогда могла говорить и чувство любви в ней было сформировано и развито, то она могла бы сказать мне: «Я пойду за тобой туда, куда ты поведёшь меня».

Сергей Александрович вздохнул и помолчал. За окном стеной шёл дождь, с крыши лилась вода, звучно шлёпаясь в образовавшиеся у стены дома лужи, и доносился уже сплошной шум дождя, перемешанного с ветром, изредка перебиваемого крупными каплями по подоконнику. И дождь, и наше расслабленное состояние после бани действовали на нас усыпляюще. Мы перешли к столу, на котором Нина приготовила чай с блинами, мёдом, и Сергей Александрович продолжал свой рассказ.

— Мы ранним утром выехали в её «далёкую» деревню Делеховое. Утро было мирное, ясное — со всей прелестью ранних июньских дней, той поры, когда в лесах такое богатство трав, зелени, цветов, ягод. Солнце уже поднялось довольно высоко. Небо чистое. Выезд из городка свободен. И чем дальше мы удалялись от него, тем больше нас окружал бесконечный мачтовый бор янтарных сосен. Машина ехала быстро, за стволами летело, вертелось, мелькало и сверкало серебряное лучистое солнце. На пустой дороге мы были одни, и я прибавлял и прибавлял скорость.

— Серёжа, — взволнованно сказала мне Саша, — не надо так быстро ехать! На пустынной дороге встречаются стайки молодых птичек, только что выучившихся летать. Они ещё не расторопны и не проворны в отличие от взрослых птиц. Ты можешь нечаянно сбить их своей машиной.

Я стал присматриваться. И правда, увидел на асфальте стайку юрких сереньких птичек, которые взлетали, совершая невероятные кульбиты, прямо из-под колёс, над капотом, едва увернувшись от столкновения.

Через несколько минут я забыл о предупреждении Саши и, выйдя из поворота, придавил ногой педаль газа, автомобиль резко ускорил движение, и довольно многочисленная стая шубой взлетела влево от машины, и мы ясно услышали тупой звук и увидели маленький серенький растрёпанный комочек, ударившийся о лобовое стекло.

— Серёжа, остановись, остановись! — закричала Саша. — Мы сбили маленькую птицу из стаи.

Она выбежала, оставив открытую дверь, и бросилась назад по дороге к окровавленному и бездыханному тельцу. Схватила его в ладони в надежде найти в нём признаки жизни.

Она шла, склонившись, опечаленной и подавленной, слёзы наполнили её глаза.

— Саша, ты что же, плачешь? — спросил я в изумлении.

— Мы убили птицу, — с болью проговорила она, — мы прервали жизнь. Как мне не плакать?! Я тебя просила.

— Прости.

— У тебя есть лопатка? — Она взглянула на меня совершенно тёмными от расширившихся зрачков глазами.

— Зачем тебе, оставь, положи при дороге.

— Нет, её надо похоронить.

Я открыл багажник, взял сапёрную лопату и пошёл вслед за ней к кромке перелеска. Мы молча вырыли небольшую ямку, поместили в неё птицу и присыпали землёй. Саша переломила прутик и крестиком положила сверху маленького холмика.

— Серёжа, укрой дёрном, чтобы никто не нашёл бедняжку.

Долго ехали молча. Я не разгонялся больше шестидесяти километров и всё следил за полотном дороги. Для чего, думал я, эти маленькие серенькие стайки птичек слетаются на асфальт, где им грозит неминуемая гибель от проносящихся машин? Ведь на асфальте нет никакой еды. И я понял, зачем они это делают. Ровные пространства дороги для молоденьких птиц — удобная площадка приземления и лёгкого взлёта.

— Вот не думал, что ты такая сердобольная, — сказал я, чтобы вывести её из затянувшегося молчания.

— Не могу пройти мимо горя. Всех жалко.

Так это она сказала естественно, пронзительно, со взрослой глубиной милосердной русской души. Мне стало удивительно хорошо от того, что эта девушка была рядом со мной. Настоящая, цельная, красивая. Знаешь, бывало, жалеет какую-нибудь букашечку, которую я и не замечу даже. Всякая травинка, паучок, бабочка, попадая во внимание её глаз, приобретали значение вселенской важности. Находящаяся в них жизнь была для неё живой частью всей вселенной, без которой она казалась ей неполной. Мне захотелось обнять её, прижать к себе и никогда не отпускать. Я едва коснулся её руки и тихо сказал:

— Прости меня, Александра, это я виноват в смерти невинного существа. Прости мне мою грубость и вероломство. Я совсем не знаю природы и её священных законов. А это, по-моему, предательство.

— Плохой знак, — тихо сказала Саша, — у меня дурные предчувствия.

— У тебя просто испортилось настроение. Это ничего не значит, — подбодрил я её.

Она не ответила мне.

Вскоре на бугре показалась разрушенная церковь. Дорога уходила вниз на мост через высохшую речку и тянулась навверх мимо безжизненной, умолкнувшей церкви прямо к порядку деревенских домов. На улице не было ни души.

— Вот моя деревня, — весело сказала Саша, — здесь мой дом родной.

Пока мы медленно ехали к родовому дому Саши, я внимательно смотрел по сторонам. Не видно ни магазина, ни школы, ни клуба...

— В деревне есть жизнь? — осторожно спросил я.

— Здесь живёт моя мама, она для меня вся жизнь, — серьёзно сказала Саша. — Раз в неделю, по четвергам, в деревню приезжает лавка с продуктами. Зимой может не приехать. Зависит от количества снега и погоды. Школа много лет закрыта. Раньше горстку детей возил автобус в соседнее село. Я ещё застала это время. Здание из красного кирпича времён Столыпина закрыто и брошено. В выбитых окнах гуляет ветер. Когда-то в нём располагалась школа,

потом — клуб. Ни медсанчасти, ни библиотеки, ни почты — ничего здесь больше нет.

— Почему вы не уедете из этой глуши? — невольно спросил я.

— А кто нас где ждёт? — ответила Саша. — Кому мы нужны? У нас никого нет. Но мы, кажется, приехали.

Я увидел стоящую у покосившегося крыльца простую женщину в белом платке и сером платье. Она гадательно смотрела на подъехавшую машину и не верила глазам своим.

Саша легко выбежала из автомобиля и бросилась к ней.

Они обнялись и прижались друг к другу, и мать целовала ей щёки и глаза. Это были поцелуи материнской любви, точно такие же, которыми она покрывала лицо, руки, всё тельце своей дочери ещё во младенчестве.

Я вышел и смотрел на них зачарованно. Мать была выше среднего роста, довольно крепкого сложения, с загорелым лицом и кротким, открытым взглядом чистых серо-голубых глаз. Они смотрели на меня пугливо (как смотрит лань, склонившись над детёнышем своим) из-за плеча Саши с большим любопытством и тревогой. Было видно, что она много страдала в жизни и боялась за свою единственную дочь, желая ей доброй судьбы.

— Шура, а кто это у машины? — взволнованно, шёпотом, говоря в самое ухо, спрашивала она.

— Я сама совсем не знаю этого человека, — весело ответила Саша, отстраняясь от матери и поворачиваясь ко мне, — только знаю, что он добрый. Вот подвёз меня, как обещал, до самого дома. Зовут его Сергей, — и, указывая тонкой рукой на маму, сказала: — Анастасия Яковлевна, прошу любить.

Мать выглядела очень растерянной и не находила слов для приветствия. Было видно, она ничего не понимала в происходящем.

— Мы вам благодарны и обязаны... — сбивчиво начала она, глядя то на меня, то на дочь.

— Не стоит благодарить! — бодро сказал я и, посмотрев на Сашу, добавил: — Ваша дочь всему виной. Это она увлекла меня на самый край света. Как же вы здесь живёте? И есть ли ваше село на карте страны?

— А бог его знает, — оживилась мать Саши. — Так и живём, привыкли.

Я пробыл у них очень недолго. Только попросил Сашу пройтись со мной под предлогом показать родные места в деревне. Но, скрывшись из виду её матери, которая провожала нас взглядом, я остановился и взял её за руки.

— Можно мне поцеловать тебя, Саша?

Она не сводила с меня своих кротких, спокойных глаз и отрицательно покачала головой.

— Тебя ещё не целовал никто? — спросил я, уверенный, что так и есть на самом деле.

— Нет, — сказала она, — я целовала лицо матери, лепестки роз, которые выросли под моим окном. Когда мне становилось больно, я целовала свои руки, представляя себя принцессой. Меня, кроме матери моей, не целовал никто.

— А сколько лет тебе?

— Восемнадцать.

— И в эти годы тебя никто не поцеловал?

Я смотрел на неё не отрываясь. Как были жарки её губы, как нежна и гладка была её прозрачная кожа на шее и руках. Я не видел ещё такой невинной и победоносной красоты.

Сердце стучало в моих висках и шее.

— Я только слышала, — тихо произнесла она, опустив подбородок к девичьей груди своей, — что, когда любишь, больно.

И вдруг вскинула лицо, как при первой встрече нашей, быстро и внимательно взглянула мне в глаза:

— Это правда? Ответь, правда?

— Да.

— А ты мне причинишь боль?

Руки её задрожали в моих руках. Я хотел прижать её к себе, но она вырвалась и так взглянула на меня, на одно мгновение побледнев, что я никогда не забуду этого горячего взгляда.

— Но я ни в чём не виновата, чтобы ты мог причинить мне боль?!

— Силой любовной, — вдруг невольно вырвалось у меня, — и страшную красотой своей и телом ослепительным ты виновата.

Она стояла в двух метрах от меня, и я увидел слёзы на её глазах:

— Я о таких словах мечтала слишком долго. Но почему они так страшны для меня? Я не го-

това слышать их. Они жгут мне душу, а не внушают нежность.

Она повернулась и стремительно пошла к дому.

— Саша, — я бросился за ней и спросил её на ходу, — когда мне приехать за тобой, скажи?

— Двадцать пятого июня приезжай.

Я остановился. Она долго шла, не поворачиваясь. Потом встала, повернулась и минуту смотрела. Но было видно, что она смотрит не на меня, а как бы внутрь себя самой, и вдруг громко крикнула:

— Обязательно приезжай! — и, уже не оборачиваясь, стремительно пошла по улице.

Я дождался, когда она скрылась в доме, сел в машину и поехал.

Я почти не наблюдал за дорогой. Все мысли были о ней. Какое мучительное состояние я тогда переживал! Эти две недели покажутся мне целой вечностью. А вдруг с ней что-нибудь случится и я не увижу её? Эта пришедшая мысль мне была нестерпима. Я был готов развернуться и ехать за ней сейчас же. «Через месяц она окончит колледж и вернётся в деревню, — рассуждал я сам с собой, — но что она будет здесь делать, как будет жить, где работать?! Взвалит на себя всё домашнее хозяйство, как её одинокая, уже уставшая от работы и лишений стареющая мать? И вся её молодость, живость, красота пройдут в этой глуши в бесконечных трудах на огороде и хлеву?»

Тогда я уже принял решение спасти её из затруднительного, почти безвыходного положения. Я заберу её из этой умирающей глуши и найду работу библиотекаря в нашем городке. А со временем заберу к себе и её мать. Но не чувство сострадания к ней было главным в моём сердце. Эти две недели я непрестанно думал о ней. Я нёс в себе память о невыразимом счастье прикосновения к удивительной девушке. Я закрывал глаза и представлял, как при встрече я заключу её в своих объятиях и буду стоять хоть целую вечность, чувствуя её девичью хрупкость, косточки и лёгкое, почти невесомое тело. «Никогда не будет боли», — буду я шептать ей на ухо, вдыхая волшебный запах её волос.

Я не мог дождаться назначенного срока. Она везде преследовала меня, до галлюцинаций, до почти физического присутствия её рядом со мной. Это напоминало спиритический сеанс, который сводил меня с ума. Это была магия. Я задыхался порой от невозможности сейчас же обнять её и никогда не отпускать от себя. Я доходил до болезненного астматического состояния, управлять которым я не был способен. Я никогда никого так не чувствовал, как её. Я понимал, что всем существом своим любил её. И страх не увидеть её или потерять был мне невыносим. Порой я впадал в панику! И единственное средство, которое могло меня излечить, — это свидание с ней. Но я терпел, не желая нарушить обещание, и мучительно ждал дня нашей встречи.

Сергей Александрович встал из-за стола и закрыл приоткрытое окно. Шум дождя уменьшился, и его голос зазвучал более отчётливо и ясно.

— Я подготовился к поездке основательно. Накануне мне доставили роскошный торт. Я купил дорогое кольцо с бриллиантом и огромный букет роз.

Я ехал в волнении и радости. Удивительно, но она стояла у ветхого дома своей матери и ждала меня. День был солнечный и тихий. На ней было белое простое платье, русые тяжёлые волосы заплетены в две косы и лежали на груди её, голые руки и лицо за две недели загорели на солнце, серо-голубые глаза, отражая безоблачное чистое небо, сияли светом, губы высохли и потрескались. Она стояла неподвижно, как бы на что-то решившись. Прибранную голову держала прямо, и вся её тонкая и высокая фигура смотрелась странно на фоне покосившегося крыльца у старого дома, утопающего в кустах разросшейся сливы.

Я остановился и вышел из машины. Было одно желание — обнять её и не отпускать из своих объятий никогда. Но я боялся получить отказ. Она смотрела на меня и не двигалась с места.

— Александра, здравствуй! — крикнул я. — Меня встречаешь?

— Тебя, Серёжа, а кого же мне встречать? — ответила она с едва заметной улыбкой.

Я держал букет роз в одной руке и торт — в другой.

— Пригласишь меня в дом?

— Приглашу, мы с мамой убирались до поздней ночи.

Я неспешно последовал за Сашей к веранде, потом в тёмные сенцы, и, открыв запевшую на все голоса дверь, она пропустила меня в комнату.

Простое убранство в доме поразило меня. В красном углу висели иконы, справа от них — в рамках фотографии родни, под ними стоял стол, накрытый белой скатертью. На столе — чайник, чашки, аккуратно порезанный белый хлеб. На тарелках — свежие овощи, сыр и колбаса. Смущённая мать смотрела на нас, стоя в дверях смежной залы.

— Окажите милость, проходите в комнату, — сказала она, — здравствуйте. Не обессудьте, живём мы просто, не как городские.

Я остановился и протянул ей огромный торт, а повернувшись к Саше, сказал:

— Это тебе розы, лепестки которых ты любишь целовать.

Саша улыбнулась, взяла в руки букет и наклонилась к нему:

— Спасибо. Мне никто ещё не дарил цветов.

Я наблюдал за матерью и дочерью. Они казались растроганными и взволнованными. Я решил действовать не откладывая. Красная коробочка с кольцом была в моей руке.

— Александра, — с мольбой в глазах обратился я к растерявшейся Саше и протянул ей приоткрытую коробочку, — ты выйдешь за меня?

— Выйду, — сказала она после недолгого молчания и опустила глаза. — Только мы бедные. У нас с мамой никакого приданого нет.

— Шурочка! — вскрикнула мать, не ожидая такого развития событий. — Как ты скоро соглашаешься?! — она всплеснула руками и строго посмотрела на меня. — Но мы вас совсем не знаем, — заволновалась она не на шутку. — Я не могу так принять. Надо звать сватов, разговаривать всем вместе, решать при свидетелях дело будущей свадьбы. Отпустить дочь с неизвестным человеком — и куда отпустить? Нет,

нет, — скороговоркой продолжала она. — Шурочка, а ты что молчишь?

— Я поеду с ним, мама, он человек честный, он не обманет нас, — и, повернувшись ко мне, спросила, доверчиво глядя мне в глаза: — Ты не обманешь нас, Серёжа?

Я готов был принести заверения о серьёзности моих намерений и объяснить, что я человек серьёзный и честный. Если нужно пригласить сватов, то я готов это сделать, чтобы невеста была помолвлена.

Но мать увещевала Сашу, с волнением глядя на неё:

— Тебе надо сдать итоговые экзамены — это сейчас самое важное. Защитить диплом, а потом думать... о другом.

Саша взяла коробочку из моей ладони, аккуратно достала кольцо. Бриллиант нашёл луч солнца и сверкнул, разбрызгивая свет по комнате.

— Какое оно дорогое, должно быть?! — изумилась Саша. — А его можно примерить?

— Саша, нельзя! — строго сказала мать. — Это обручальное кольцо, его надевает жених своей невесте во время обручения.

— А вдруг оно не подойдёт мне? — весело сказала Саша, но послушно положила кольцо на место и поставила коробочку на стол. — Что же мы стоим, кормим гостя разговорами?! — сказала она.

Пили чай и уже спокойнее беседовали. Анастасия Яковлевна задавала мне множество вопросов. Она хотела поближе узнать меня. После разговора она примирилась с происходящим, и мы вскоре с Сашей отправились в город.

Проехав церковь, спустившись на мост через высохшую реку, я остановился и попросил Сашу выйти из машины. Кругом не было ни души. Я подошёл к ней и снова спросил её:

— Шура, ты выйдешь за меня?

— Я две недели ждала тебя и не находила себе места, — тихо призналась она. — Как я боялась, что ты не приедешь за мной!

Слёзы наполнили её глаза. Я приблизился к ней, обнял её и почувствовал всю нежность и открытость девичьей природы. Она уже не напоминала испуганную птицу. Она вся прильнула ко мне. Её длинные тонкие руки

обвили мою шею. Я закрыл глаза и в тот момент почувствовал томное состояние полноты жизни, которое называется у людей счастьем. Это была минута сладостной истомы, которая своей значительностью так велика, что равна самой вечности. И я понял тогда, единственный раз в жизни, что любовь называют любовью только те люди, которые пережили состояние прикосновения открывшейся другой души, так расположенной к тебе, что она готова слиться с твоею душою до конца. И твоя душа в этот же самый момент так же расположена к другой душе, что совсем теряет свою душу и становится другою душою. И рождается как бы одна душа в двух телах. Но и этого мало для ощущения полноты жизни. Ибо душа, способная жертвенно отказаться от своего существования, добровольно подчинив себя другой душе до полного слияния с нею, обитает в совершенном теле, а тело без души не живёт. И тело силою вещей, естественным образом стремится к соединению с другим телом. И самой высшей степенью любви есть первое прикосновение двух тел, воспринимаемое как первоначальный опыт, как вскрик. Только прикосновение и ничего более.

Я стоял тогда, соединившись объятиями с Сашей посередине мира, и чувствовал такую полноту бытия, что мне ничего в жизни более не было нужно. Это поистине присутствие вечности, созерцание рая на земле. Из-за этого люди ценят любовь как самое возвышенное переживание не иллюзорной, а самой настоящей жизни. Одни — по опыту, другие, и их большинство, — понаслышке. Но все стремятся к ней, потому что все знают, что эта неизъяснимая радость существует. И самое сильное в любви — это первое прикосновение двух душ и двух тел.

Я не хотел отпускать Сашу, прильнувшую ко мне. Я чувствовал остроту её лопаток, каждую косточку на спине, тонкость длинных рук, теплоту и нежность её ног.

— А говорили, что, когда любишь, испытываешь боль, — сказала Саша горячим дыханием мне в самое ухо. — Я сейчас испытываю только нежность. Она переполняет меня, и я боюсь, что скоро не смогу дышать.

— Никогда не будет боли, Шурочка, — тихо и ласково сказал я ей.

— Никогда?

— Никогда.

Она вся прижалась ко мне ещё сильнее.

Так возвышенно начиналась наша жизнь. Мы были охвачены такой радостью, что её хватило бы на несколько жизней, и близ Саши была светла душа моя. Как я полюбил всё... всё в этой жизни, которую прежде не ценил! Смотрел на неё глазами невинной Шурочки: каждый листочек, каждый закат солнца, который мы переживали вместе, каждая букашка, замеченная Сашей и обласканная ею, — всё вызывало во мне восторг и благодарность. Я чувствовал в себе не одну жизнь, а сотни человеческих жизней — безудержных, молодых, бесстрашных, бессмертных жизней!

Она сдала экзамены, защитила диплом, и я устроил её в районную библиотеку.

— Я бы никогда не выбралась из забытой богом и людьми деревни, — часто говорила она мне, засыпая рядом со мною, — я всю жизнь буду благодарить тебя.

Она покрывала меня горячими поцелуями и роняла слёзы на моё лицо.

— Придёт время, — шептал я Саше, — мы заберём к себе твою мать.

Этому не суждено было случиться.

Сашу на работе просили записывать в библиотеку новых и новых читателей. Это предполагало финансирование библиотеки и пополнение её фондов. Но с этим была настоящая беда. Саша жаловалась мне, что новых читателей в библиотеку привлечь невозможно.

— Не ходить же мне по дворам!.. — с досадой говорила она мне.

С одной стороны, она хотела показать руководству библиотеки профессионализм в библиотечном деле, а с другой стороны — не подвести меня.

И вот однажды она пешком возвращалась домой и проходила мимо кладбища. Тихое место, всегда безлюдное, умиротворённое. Она решила зайти. Неторопливо стала вглядываться в фотографии на памятниках, читать фамилии под ними и время погребения покойных. И

вдруг ей в голову пришла странная мысль: а не записать ли в районную библиотеку «мёртвые души»? Она спохватилась и, к радости, заметила, что очень много молодых людей лежит в могилах, особенно в новом секторе кладбища. Именно это обстоятельство, по всей видимости, и навело Сашу на мысль о новых абонентах библиотеки. Они все очень молоды и подходят по возрасту быть читателями районной библиотеки.

Вот этот, Лопухов Анатолий, не мог читать Чехова. Слишком простое у него лицо, деревенское. Стриженная головка, а над узким лбом — чёлка, похожая на расчёску. «Помним, любим, скорбим», — написано курсивом внизу надгробной плиты. А вот этот — Филиппов — мог Чехова читать. Ему двадцать девять лет, высокий лоб и напряжённая мысль в глазах. Как будто он что-то желает сказать. Но что — никто теперь не узнает. Он, пожалуй, мог читать Гоголя или Достоевского — «Преступление и наказание», например. А этот, Кошечев Егорка, умер совсем молодым, юным неоперившимся птенцом. Глаза у него грустные. Может быть, он умер от болезни. Он, наверное, ни одной книги не успел прочесть. Или, может быть, его несчастная мать читала ему, когда он лежал и болел, «Тома Сойера» Марка Твена или «Белого Клыка» Джека Лондона?

— А можно я запишу вас в районную библиотеку?! — громко спросила Саша у Филиппова.

И вдруг откуда-то сверху она отчётливо услышала: «Запиши. Скучно здесь».

Саша вздрогнула.

— Задумалась я, замечталась... — вслух произнесла она.

И стала двигаться дальше от памятника к памятнику. Но какое-то скверное чувство поселилось в её душе.

— Немцов, — тихо прочла она, не зная, где поставить ударение, увидев молодое лицо на памятнике, — тридцать девять лет. «Жизнь опустела без тебя. Ты в наших сердцах. Жена, дети». А вот Иноземцев, двадцать один год. А рядом с ним мать похоронена — Иноземцева Тамара Ивановна. Только на год и пережила сына. Упокоилась рядом с

ним. Глаза застывшие, грустные, бессмысленные.

— Богомолов Иван Прокопьевич, — еле разобрала надпись на памятнике со звездой, покрашенном синей краской, как все могилы в Сашиной деревне Делеховое.

Памятник заинтересовал Сашу, и она подошла к нему. — «А жизни его от роду девяносто два года».

На выцветшей от времени фотокарточке лицо старческое, щёки впалые, взгляд пронзительный, серьёзный. Войну прошёл и холод, и голод, а жизнь прожил длинную.

— Видать, Бога молил, коли Богомолов он, — догадалась Саша.

А вот неразборчивая фотография военного с афганской войны. Чёрно-белая, лица не разобрать, видны гимнастёрка и шляпа от палящего солнца. «Все солдаты на одно лицо... Сколько их, безличных, погибших вдали...»

Саша окинула взглядом памятники с молодыми покойниками и насчитала девять могил.

— Всех вас запишу в библиотеку, — произнесла она вслух, но теперь шёпотом, и вдруг добавила громче: — Буду вам книжки читать, а то вы многое в жизни не poznали.

Набежал ветер, две высокие берёзы посередине кладбища зашумели, закачались. Зашелестели яркие высохшие венки на совершенно новой могиле справа от Саши — возвышался тяжёлый холм из суглинка, увенчанный деревянным крестом. Довольно большая фотография молодой девушки в рамке была прислонена к подножию креста. Лицо на всю фотографию — невинное, красивое, открытое, юное. Фотография художественная, сделанная, видно, на фотосессии. Девичьи глаза большие, смотрят с надеждой и верой в жизнь. Про таких в деревне говорили «глазастая» — значит, красивая. Шестнадцать лет. «Спи ангельским сном. Убийцы будут наказаны...»

— Страшно жить, — прошептала Саша и долго смотрела в лицо Инессы.

Дальше — свежие, только что вырытые могилы. Саша заглянула в одну из них. Следы от ковша экскаватора, как рёбра, торчали в изголовье и ногах, комья глины и стоячая, мутная вода на самом дне. Саша опомнилась, почув-

ствовав холод земли, оглянулась вокруг — никого не было. Да и кто придёт вечером на кладбище... Ей вдруг показалось, что она заглянула в какую-то бездну.

На восточной стороне — а на кладбище по могилам легко определить, где какая сторона, — за частоколом сосновых деревьев небо сделалось тёмным, мрачным, и холодная влага чувствовалась в набежавшем упругом ветре. В шуме сосен послышался ей голос низкий и странный: «Не обмани, будем ждать тебя с надеждой». Саша прислушалась к шумным стонам сосен и поспешила к выходу с кладбища, боясь быть застигнутой дождём.

— Чего только не померещится здесь, — рассуждала она, — правильно, что люди побаиваются этого незavidного места.

Она даже хотела отказаться от странной затеи, но обещание, данное покойникам, связало её. «Буду вам книжки читать», — пронеслось у неё в голове.

Мне она ничего не сказала. А через пару дней отправилась на кладбище и заполнила десять карточек, решив закладывать их не все сразу, а по одной, постепенно. На всякий случай спросила — скорее, не у покойника, а у своего внутреннего голоса — какую книгу ему выдать и читать, чтобы определить перечень авторов, порядок выдачи книг и время чтения. Умному Филиппову — она решила начать именно с него — обещала выдать и прочитать о любви из повести Достоевского «Белые ночи». Она вглядывалась в умные глаза Филиппова и пыталась прочесть в них, принимает ли он её выбор, и вдруг опять услышала тот же самый голос, ответивший на её первый вопрос: «Скука это смертная — ваш Достоевский! Подайте Джойса «Поминки по Финнегану»».

Саша вздрогнула и торопливо пошла прочь с кладбища. Она озабоченно думала о книге, про которую никогда не слышала.

Дома я спросил грустную Сашу:

— Что случилось? На тебе лица нет.

— Ты не знаешь такую книгу Джойса «Поминки по Финнегану»?

— А зачем тебе? — немало удивился я. — В нашем городке вряд ли кто из обывателей знает имя Джеймса Джойса. А уж о его книге «По-

минки по Финнегану» точно не слышал никто. Хочешь заказать её для библиотеки?

— Да, а что?

— Саша, нет в мире ни одного человека, который бы прочёл эту книгу от начала до конца, — ещё более удивляясь, проговорил я. — Как ты думаешь её предлагать читателям?

— Да что с ней не так? — взволнованно спросила Саша, и лицо её зарделось от страха, невольно охватившего её.

— Это последняя книга Джойса. Она написана им на двенадцати языках мира.

Саша присела на стул и продолжала смотреть на меня.

— А где ты услышала об этой книге?

— Один человек мне её заказал.

— Очень, видно, образованный человек, — констатировал я, не придав этому факту никакого значения, — приезжий из Москвы или Петербурга, — предположил я. — Ну, попробуй найти её. Это даже интересно. Скорее всего, твоё заявление рассмотрят, потому что сами библиотекари об этой книге ничего не слышали. Интересно.

— Саша, — вдруг спохватился я, — вспомни наш разговор о Джеймсе Джойсе. Я рассказывал тебе о его первой книге «Дублинцы», потому что ты была похожа на этих искренних и открытых людей, которых описывал Джойс. И ещё я тебе говорил о его последней книге и сказал, что он написал её от гордости.

— Да, говорил, я вспомнила, — обрадовалась Саша, — имя просто мудрёное «Финнеган».

Саша плохо спала, говорила во сне, как в бреду. Проснулась утомлённой и молчаливой.

Я уехал с инспекцией в агрохолдинг на несколько дней. Саша осталась одна.

После работы она шла на кладбище. Погода стояла тёплая, сухая. Проходя памятник Филиппову, Саша вдруг заволновалась и сказала ему:

— Здравствуйте, Филиппов. Я, как обещала, записала вас в библиотеку. И книгу, вами запрошенную, я заказала, ждите, — и направилась к могиле Иноземцевых.

В оградке находились металлический столик и лавочка. Саша достала салфетки, протёрла запылившиеся поверхности и присела.

— Тамара Ивановна, я записала в библиотеку вашего сына. Буду читать вам замечательную книгу Достоевского «Униженные и оскорблённые». Правда, сама боюсь расплакаться. Никогда не могу сдержать слёзы, когда читаю сцены страдания несчастной матери.

Она разогнула страницы и принялась выразительно читать вслух.

Чтение продолжалось недолго: осенние дни становились короче, и Саша не заметила, как ступились сумерки, и текст стал почти неразборчив.

— Надеюсь, вам понравились главы этой замечательной повести? — закрывая обложку книги, сказала она. — Если позволит погода, завтра продолжу чтение.

Она решила обойти могилу Филиппова стороной. Но всё равно ей послышалось в набевшем ветре: «Не забудь и мне почитать книгу своим тонким голоском».

— Я не забуду, Филиппов, ваш абонемент в режиме ожидания, — словно играя в игру, ответила Саша.

«И мне прочтите книгу «Преступление и наказание», — послышался надрывный, обиженный голос. — Я хочу узнать, есть ли в жизни справедливость», — это громко произнесла Инесса, недавно похороненная шестнадцатилетняя красивая девушка.

— Не забуду про тебя, — горячо сказала Саша, — и ты узнаешь: справедливость есть.

Саша шла домой радостной по двум причинам: она преодолела страх, памятуя слова матери: «Бояться надо не мёртвых, а живых»; и ещё более веская причина состояла в том, что она смогла выполнить долг перед новыми читателями библиотеки.

Саша каждый день ходила на работу, а я с утра до вечера пропадал на реализации собранного урожая и приезжал домой без сил. Меня хватало на ужин и короткий разговор с ней. Она смотрела на мою усталость, стелила мне постель, садилась рядом, гладила мою спину, и я засыпал мертвецким сном.

На работе Саша думала о своих новых «читателях». Она мысленно разговаривала с ними, предлагая ту или иную книгу, и, если позволя-

ла погода, шла и читала страницы бессмертной классики. Кто-то увидел её за этим странным занятием. И поползли неприятные слухи по нашему городку. По вечерам молодая девушка сидит то у одной могилы, то у другой и, жестикулируя, читает вслух книгу. Многие говорили, что это привидение, появляющееся по вечерам в определённое время. Другие утверждали, что это душа мёртвого человека вселилась в какую-то плоть и развлекает покойников, оставшихся находиться во мраке под землёй. Третьи настаивали, что это новая библиотекарьша, сошедшая с ума, читает книги мёртвым, потому что живые не хотят читать. Истинной цели посещения Сашей кладбища никто не мог предположить.

Наконец слухи достигли и нашей семьи. Меня встретил знакомый доктор и предупредил, что у моей Александры может быть скрытое психическое заболевание. Глубокое душевное расстройство, связанное с чрезмерной ответственностью.

Саша стала тревожно спать. Несколько раз по ночам вставала с постели и сидела при свете на кухне. Часто её мучила бессонница. Утром поднималась с трудом, чтобы приготовить мне завтрак и проводить меня на работу.

— Ты совсем не отдыхаешь, Саша, — говорил я ей.

— Я просыпаюсь ночью и продолжаю диалог с ними.

— Шурочка, — ласково настаивал я, — оставь эти походы на кладбище. Уничтожь все карточки в каталоге библиотеки.

— Поздно... поздно всё это делать, — разочарованно говорила она, — в карточках и текущих документах стоят имена. И потом я не выполнила обещания.

— Шурочка, дорогая моя, мой приятель доктор посоветовал мне обратиться к специалистам. — Я вышел из-за стола и обнял её. — Может быть, прислушаемся к его совету?

Саша внутренне страшилась того, что узнают подлинную цель её деятельности.

— Я согласна, — неожиданно сказала она мне, — это будет выход из сложившейся ситуации. Прости меня, я подвела тебя.

Вскоре о подлоге работника библиотеки узнали.

Она попросила устроить её в психиатрическую лечебницу, чтобы, видимо, сослаться на психическое расстройство, которое подтолкнуло её записать в районную библиотеку «мёртвые души». Как я не распознал эту рискованную идею Саши?!

Сергей Александрович закрыл руками лицо и качал головой.

Сашу продержали в больнице три месяца. Её мать, узнав о психическом заболевании дочери, испугалась до такой степени, что слегла, и бедное страдавшееся сердце её не выдержало, она умерла.

Я каждую неделю посещал Сашу. За несколько дней до выписки я был у неё. Мы сидели на улице, согретые весенним солнцем.

— Мне уже лучше, — говорила она, — я почти не думаю о них.

Она сделалась тихой, спокойной, мечтательной и отстранённой. Видимо, лечение тяжёлыми лекарствами действовало на неё угнетающе. Я наблюдал за ней в дурно пахнущем коридоре больницы, и меня охватывал ужас. Наша счастливая жизнь вдруг рухнула. Я смотрел на бледную Шурочку в лучах яркого весеннего солнца и думал: совсем недавно я видел её счастливой и радостной, а теперь вижу исхудавшую, бледную, задумчивую, в этом не по размеру вылинявшем больничном халате. И понимал, что всё было сделано неправильно. Для чего я послушался доктора?! Горький ком стоял у меня в горле.

Когда я собрался уходить, чтобы уехать домой, она остановила меня и за всю нашу встречу сделалась вдруг сосредоточенной и осмысленной:

— Можно тебя попросить?

Она смотрела мне прямо в глаза.

— Да, Саша, конечно! Я всё сделаю для тебя.

Она опустила острый подбородок себе на грудь и смущённо сказала:

— Узнай, Серёжа, не пришла ли книга Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану».

Она подняла на меня глаза. Я мучительно смотрел на неё.

— Если книга пришла, походи на кладбище, найди могилу Филиппова и начни читать. Я выйду из больницы и dokonчу.

Я смотрел на неё, и нахлынувшие слёзы душили меня.

— Шурочка, любимая Шурочка, разрывается душа моя.

Когда она вышла из больницы, новая идея овладела ею.

Открывшаяся неправда в библиотеке придавила её. Она больше не вернулась на работу. Разнеслась весть о том, что она сумасшедшая и что многие были правы, когда утверждали это. Теперь психиатрическая больница точно подтвердила этот факт.

— Серёжа, — категорично сказала она мне, — ты не можешь жить с психически больной женщиной. Она дискредитирует тебя в глазах нашей общественности. У тебя доброе имя, ты уважаемый человек.

Она вдруг заплакала громко, отчаянно и сквозь слёзы прокричала:

— Хорошо, что нет ребёнка!

У неё началась истерика, и я боялся, что с ней опять случится какое-нибудь помешательство. Я обнял её и говорил, говорил, чтобы успокоить:

— Мы с тобой уедем в другой город, где нас никто не знает. Мы начнём жизнь сначала. Я брошу всё, только бы ты была рядом, моя любимая Шурочка.

Вскоре она успокоилась, сделалась серьёзной, вытерла слёзы и спросила:

— Когда?

— Я выставлю на продажу свой бизнес. Это требует времени. Выберем город, купим дом или квартиру, как ты захочешь, и переедем.

На следующий день я наказал Саше никуда не выходить и ждать моего возвращения из командировки. Я уезжал на четыре дня, предварительно наполнив холодильник продуктами.

Командировка была для меня сном. Я переживал полную опустошённость, и недобрые предчувствия не давали мне покоя. Когда я вернулся, её не было дома. Она ушла уже на следующий день, оставив на столе записку: «Серёжа, любимый мой человек! Я не принесу тебе счастья. Сознание этого обстоятельства не

позволяет мне быть рядом с тобой. Мне лучше совсем не жить, чем знать, что ты несчастен и страдаешь. Я никогда не забуду тебя. Ты на всю жизнь и на всю вечность будешь единственным человеком, которому я позволила поцеловать себя после умершей матери моей. Не ищи меня...» Письмо было подписано днем моего отъезда в командировку.

Я ездил в Делеховое, но она не появлялась там. Дом матери был безжизненно пуст и страшен.

У меня было два предположения: либо она попросила врача не открывать информацию, что она находится в специальном лечебном заведении (мы официально с ней не были расписаны, и я был для врачей человек со стороны), либо она уехала в какой-то далёкий женский монастырь.

Пустота, образовавшаяся во мне, была утомительной и страшной. Я запил и едва не лишился жизни от интоксикации. Меня чудесным образом спасли врачи.

Сергей Александрович замолчал. Дождь закончился. Только капало с крыши, и набегающий ветер сбивал влагу с мокрых листьев и бросал её на подоконник.

Я смотрел на картину, которая наполнилась жизнью, только что рассказанной мне моим другом.

— Серёжа, — нарушил я тягостное молчание, — тебе удалось передать в образе библиотекаря поразительное одиночество чистого человека и его трагическую бездомность на этой земле.

— Знаешь, что я понял, — задумчиво сказал Сергей Александрович, — надо научиться жить в этом мире как в сумасшедшем доме. Когда человек оказывается в психиатрической лечебнице, он спокойно там себя чувствует. Он понимает, что там все больные люди. Если кто-то выйдет из палаты и скажет ему какую-нибудь неприятность, он не обидится, а участливо ответит: «Всё спокойно, всё хорошо. Нас обязательно вылечат». Надо приучиться жить в нашем мире как в сумасшедшем доме. Тог-

да мы поймём, что мир — это сумасшедший дом, и будем ко всему относиться участливо-спокойно и даже с добрым юмором, в первую очередь к самому себе, как наши святые юродивые относились. Надо быть немного юродивым, чтобы мы смогли жить в этом мире. А если всё принимать близко к сердцу — ну, что же, с кем поведёшься, от того и наберёшься, как мудро говорят в народе. Есть такое понятие в психиатрии: индуцированный психоз. То безумие, которое нас раздражает, на нас же и перейдёт. Надо стараться на безумие мира не реагировать. Относиться с чувством доброго снисходительного юмора. Не принимать близко к сердцу и помнить, что надо жить как в сумасшедшем доме.

— А знаешь, — после долгого молчания проговорил Сергей Александрович, — через несколько лет Шурочка прислала мне письмо. Обратного адреса не указала. Это был, как я и предполагал, женский монастырь. И писала следующее. Что она обрела покой, семью добрых сестёр и упорядоченную монастырским уставом жизнь. Что она помнит каждую минуту нашей жизни, и, когда ей бывает тяжело, она обращается к Богу и светлой памяти. Подписалась: «Недостойная монахиня Тавифа». Я совершенно успокоился. Вот история этого портрета.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и я, утомлённый, улёгся на приготовленную Ниной постель и мгновенно уснул.

На другой день я ехал по лугу от усадьбы Сергея Александровича и Нины, а они провожали меня, стоя у ворот. Я свернул на просёлочную дорогу и увидел в конце её бегущую по краю тощую, мокрую собачонку. Я медленно приближался к ней, она остановилась на обочине и пропускала меня. Её худобу подчёркивала вымокшая шерсть, то ли от длительного бега, то ли от мокрой травы, в которой она провела дождливую ночь. Её живот, казалось, прирос к позвоночнику, лопатки торчали вверх, подпираемые худыми ногами, взгляд был испуганным и беспокойным. На шее болтался вымокший, почти черный ошейник. Я остановился напротив неё, открыл окно и спросил:

— Как ты здесь оказалась, бедняжка?

Она вильнула хвостом и с надеждой посмотрела на меня. У меня не было никакой еды. Я вздохнул и подумал, должно быть, её выбросили хозяева.

— Найдёшь дорогу домой? — с участием спросил я.

Она присела на задние лапы и прижала уши. Её взгляд впился в меня.

— Ладно, я поехал, прощай, — сказал я, глядя в преданные собачьи глаза.

Машина покатила по дороге быстрее и быстрее. Я взглянул в зеркальце и увидел, что собачонка во весь опор бежит за ней. Я ещё прибавил скорость, и она, прижав уши, бежала, вытягиваясь вперёд передними лапами. Наконец стала отставать и, обессилев, остановилась. Я замедлил движение и смотрел, как она неподвижно стоит и провожает меня отчаянным взглядом...

ГОСПОДИН С БУЛЬВАРА КРУАЗЕТ

Рассказ

Июль выдался жаркий. Поезд прибыл на опустевший вокзал поздним вечером. В безветренном привокзальном пространстве звонкая мелодия и громкий женский голос, объявлявший прибытие поезда, эхом разносились по округе и были слышны сквозь толстое стекло вагона. Солнце село за горизонт. Павел Васильевич от нечего делать наблюдал из окна его закат. Сбавляя ход, вагоны тащились вдоль перрона и никак не могли остановиться. Наконец состав дёрнуло, и он замер. Павел Ва-

сильевич Егоров шагнул из вагона на перрон, поставил чемодан и огляделся. Зноя не чувствовалось в воздухе, но духота не ушла.

Денег на такси не было, и Павлу Васильевичу пришлось ехать домой на рейсовом автобусе, в котором на задних сиденьях громко смеялись ребята с девчонками.

В квартире дурно пахло. Окна не открывались, и комнаты не проветривались в течение десяти дней. Он стал искать источник неприятного запаха. Влажная нестираная футболка,

оставленная в стиральной машине, испортилась и источала удушливое зловоние. Павел Васильевич выбросил футболку в мусоропровод и отворил настежь окна. Послышались звуки улицы, но свежести в комнатах не прибавилось. Не шевелилась за окном ни одна ветка на высоких тополях, и казалось, что тёплый воздух заходит с улицы и становится ещё жарче.

Павел Васильевич принялся разбирать чемодан и чехол с верхней одеждой. Два дорогих костюма от «Скобаль» — серый и тёмно-синий в едва заметную голубую полоску. На отвороте последнего было вышито вручную английскими буквами: «Pavel Egorov». Имя владельца дорожного костюма, сшитого на заказ в Германии. Они на деревянных фирменных плечиках вместе с брюками пошли в платяной шкаф.

— Через год увидимся, — с каким-то вождельным удовольствием проговорил хозяин дорожного гардероба, прикрывая дверцу.

Белоснежные, но уже несвежие итальянские рубашки (их было четыре штуки) пошли в корзину крошечной ванной, совмещённой с туалетом. Они требовали ручной стирки. Всякая мелочь из отеля, начиная от разового мыла, шампуней, гелей, английской соли, соли для принятия ванн до зубных щёток, лосьонов и паст, которые подавали в отеле каждый новый день, отправились в шкафчики под раковиной. Они в течение года будут напоминать Павлу Васильевичу об очередном невероятном приключении из сладостной жизни настоящего богача. Английские галстуки, бабочки, кожаные ремни, испанские туфли и сам чемодан отправились в тесную кладовку с антресолями, забитыми старыми вещами, в отдельную коробку в самый угол. Однокомнатная студия, со вкусом отремонтированная по европейским стандартам и обставленная довольно скромной, но изысканной мебелью, — жилище холостяка, — встречала своего хозяина унылым, кислым взглядом, теснотой, бедностью и безнадёжной, пугающей тишиной. Его бывшая жена, повзрослевшие дочери, живущие в Москве, никогда не бывали у него. Казалось, кроме отца, их ничего не связывало с маленьким провинциальным городком их детства. Но родителя они забыли и не

думали о его существовании, как не думал о них бросивший их отец. Но он и не нуждался в них. Он любил животных, отдавая предпочтение кошкам. Ежегодные поездки пока не позволяли ему иметь в квартире живое существо, которое украсило бы его одинокое существование и предоставило бы ему возможность заботиться о ком-то другом, чтобы не потерять в себе человека. Он откладывал это до времени старости, когда ничего уже не будет отвлекать его от заботы о живом, тёплом и ласковом котёнке, мурчащем на его груди.

Он мечтал о такой жизни, которая была у него сейчас, и не хотел никаких перемен. Двадцать лет назад, с двумя девочками семи и девяти лет от роду, они с супругой скопили деньги на поездку за границу, о которой долго мечтали. Это было время, когда все русские люди бросились за рубеж. Молодая семья и не думала отставать от всех. Деньги собирать пришлось несколько лет, после того как жена вышла из декретного отпуска на работу. Откладывали с бедной зарплаты Павла Васильевича, а деньги жены тратили на текущие нужды. И наконец счастливый момент наступил — оформили поездку через туристическое агентство на остров Кипр в четырёхзвёздочный отель «Атлантика бэй». Они потратили все деньги на эту долгожданную поездку, которая совершенно потрясла Павла Васильевича. Он увидел и постиг другую жизнь, не похожую на его унылое существование, полное лишений и забот.

В отеле за стойкой администратора, на ресепшене, к нему обращались «господин Егоров». Каждый день, когда после завтрака они семьёй наслаждались солнцем и купанием в бассейне с морской водой, их номер в отеле убирали горничные, перестилая постели, меняя полотенца и туалетные принадлежности. Но самое сильное впечатление их ожидало вечером. Они входили в роскошный ресторан, и им предлагался шведский стол. Они хотели попробовать всю еду, которая открывалась их взору. Стол с десертами особенно был впечатляющим. Каких только тортов, пирожных, муссов, различного шоколада не было на этом столе! Можно было есть что угодно и сколько угодно. В последний

— девятый — день пребывания в отеле Павел Васильевич сделался грустным. Ему не хотелось расставаться с этим праздником жизни. И он принялся думать.

Вероятно, повторить такой отдых с семьёй больше не удастся, по крайней мере, предстоящие пятнадцать лет. Девочки будут подрастать, учиться, их нужно будет одевать и кормить, тратить деньги на репетиторов и различные кружки и секции. Павел Васильевич не мог принять предстоящую жизнь такой обыкновенной, какой она представлялась ему в будущем. Лучшие годы своей жизни он будет проводить уныло среди серых рабочих будней, зная, что есть лучшая жизнь, которой он достоин. Фантазии так разыгрались в его голове, что им овладела паника. Он никогда не испытывал подобного чувства. Прогуливаясь утром по отливающему блеском мраморному полу в холле отеля, он выходил к бассейну, направлялся в ресторан; оглядывая столы и выпивая бокал утреннего шампанского, смотрел на лазурное море, залитое серебром солнца, — он повторял себе, что это и есть рай, про который говорят люди. Расставание ему представлялось почти невозможным. Тоска охватила его душу, тело заныло от какого-то странного внутреннего зуда.

Воображение подсказывало ему, что то, что он видит перед собой и чувствует внутри себя, и есть полнота жизни. Он испытывал какое-то сладострастие сердца, которое размякло от фантазий и пустилось в беспрепятственное распутство. Ему виделись в воздухе призраки веселящихся людей вокруг, слышался громкий женский смех и запах «пина колада». Он подумал о том, что, если бы он жил один, он мог бы каждый год прилетать в этот рай и наслаждаться вожделенным состоянием полноты существования. Ему пришлось бы тратить сумму в четыре раза меньшую, чем он потратил на всю свою семью. Собрать такие деньги не составит труда за один год экономии и усердной, напряжённой работы. Эта мысль пронзила его и осталась утешительной надеждой во всём его страдающем существе. Это было похоже на ясновидение, спиритический сеанс, глоток прохладительного напитка в

тени огромного зонтика, раскрытого под палящим солнцем.

Через год фантазии стали реальностью. Он ушёл из семьи.

Павел Васильевич заглянул в холодильник. Десяток яиц в упаковке, консервы из рыбы и мяса, суповая курица в морозильной камере — это всё, что он оставил после отъезда в Северную столицу. Он сел к столу, открыл бумажник и достал оставшиеся деньги. Их было триста сорок рублей. Карточка имела допустимую задолженность — четыреста пятьдесят семь рублей. Он подвинул стул к кухонным навесным ящикам, взобрался на него и извлёк из-под декоративной вазы, стоявшей наверху, десять тысяч рублей двумя красными бумажками.

— Сегодня тринадцатое июля, — задумчиво произнёс Павел Васильевич, — до конца месяца чуть больше двух недель.

Он привык к воздержанию. Но сейчас был момент сладостной, мучительной истомы сердца, требующей медленного выхода к бесконечным запретам во всём — в еде, одежде, любой другой безделице, чтобы откладывать, откладывать деньги на очередную поездку. О, она будет самой великолепной и запоминающейся!

— Ни о чём не жалею! — в очередной раз как заклинание, как кредо своей теперешней жизни весело произнёс Павел Васильевич и приказал себе: — Не помышляй о психологии бедняка! Бал окончен, но жизнь продолжается. Вперёд, к новым уровням бытия!

Сегодня отпуск подошёл к концу. Завтра утром — на работу. Он приготовил яичницу, открыл продуктовый бизнес-ланч, захваченный с собой из самолёта, разложил его на столе, сел на один из высоких барных стульев. Поужинав, лёг спать.

Утром Павел Васильевич шёл на работу в бухгалтерию русско-немецкого сельскохозяйственного агропромышленного предприятия «Агрокомплекс плюс». Был он одет в короткие узкие брюки, светлую рубашку, пиджак с заплатками на локтях, в разношенные старенькие туфли. Он походил на среднестатистического

жителя небольшого провинциального городка с семидесятитысячным населением. Было ему сорок девять лет. Рост имел средний. Телосложение худощавое. Лицо с едва заметной щетиной на щеках, скулах и подбородке. Взгляд имел острый, сметливый и проницательный. Огоньки в его глазах поминутно бегали и светились каким-то ему одному известным знанием, которое давало владельцу этого знания таинственную привлекательность. Будто он принадлежал к особенному классу избранных людей, всегда чувствующих превосходство над другими, себе подобными.

В городке все знали друг друга. Но на Павла Васильевича смотрели с особенным интересом. Его одиночество, отсутствие друзей, непонятные исчезновения из города в неизвестном направлении — всё это волновало провинциальных жителей. Всем хотелось побольше узнать о нём. Но информации было столь мало, что это обстоятельство создавало ещё большую тайну о жизни Павла Васильевича. Правда, был один источник информации — вторая жена его, Варвара Всеволодовна Кипелова. Была она вдова, старая, некрасивая женщина, но отец её владел агрокомплексом, и Павел Васильевич без какого-либо чувства женился на ней всё с той же целью — у неё и её отца водились деньжонки, и он мог рассчитывать на продвижение по службе. Отец оплатил ему за то, что пристроил свою тоскующую дочь, отдав её в руки скромного, тихого человека — он взял его в международную компанию с хорошим заработком и не пожалел ни одного дня. Павел Васильевич стал незаменимым работником на предприятии. Варвара Всеволодовна скоро поняла своего мужа.

Известно, что чем более появляется денег у человека, тем он становится скупее, потому что ему кажется, что это самый верный способ для того, чтобы их стало ещё больше. Он складывал деньги в банк до копейки. Варвара Всеволодовна тоже получала от отца хорошие деньги. Павел Васильевич даже не знал размер её доходов, но она их тратила только на себя. Любила дорогие брендовые вещи, посещала клинику коррекции лица и фигуры, два раза в неделю уходила в салон красоты и два раза в

неделю с подругами обедала в кафе. Однажды у Павла Васильевича не обнаружилось в кармане ни гроша. Снимать с карточки средства Павел Васильевич не планировал. Эти деньги были неприкосновенным запасом. Он обратился к Варваре Всеволодовне и попросил денег на поход в магазин за продуктами. Она очень удивилась просьбе мужа. И состоялся разговор, который давно планировал Павел Васильевич. Ему не нравилось положение дел в семье, которые ставили его в тупик и разрушали будущие планы.

— Ты считаешь, что деньги, которые я зарабатываю, мы должны тратить на семейные нужды, а деньги, которые тебе даёт отец, ты тратишь только на свои прихоти? Ты это считаешь правильным? — спрашивал жену Павел Васильевич.

— Да, — невозмутимо ответила Варвара Всеволодовна, — это совершенно правильно. В нашей семье Кипеловых так было заведено: мужчина обеспечивает семью, содержит жену и детей, — Варвара Всеволодовна погрузилась и добавила, скривив полноватые губы: — Общих детей у нас нет, и они, как я поняла, не планируются. Тебе то завтра рано вставать, то ты слишком устал на работе, то плохо себя чувствуешь. Себя я обеспечиваю сама, а семья... — Варвара Всеволодовна ухмыльнулась и долго смотрела в окно.

Через год она ушла к отцу. А отец купил ей квартиру в Москве и отправил её с глаз долой.

Войдя в кабинет и сдержанно поздоровавшись с работниками бухгалтерии, Павел Васильевич сел за свой стол и включил компьютер.

— С выходом, Павел Васильевич! — с подчёркнутой радостью выкрикнула Ниночка, специалист по кадрам, вошедшая следом за ним. — Все с нетерпением ждали вас — через пару недель отчёты, а без вашей светлой головы царствует хаос. Хорошо отдохнули?

— Лучше не бывает, — скромно ответил Павел Васильевич.

Он держал в секрете все обстоятельства своих поездок. А там, где он бывал, встретить знакомого человека из провинциального городка не представлялось возможным.

За спиной Павла Васильевича было несколько незабываемых путешествий. Они ласкали его изнеженную душу приятными впечатлениями. Их бережно хранила память, как хранит альбом любимые фотографии своего владельца. В минуты уединения и отдыха, вспоминая, Павел Васильевич предавался сладостным мечтам о новых, более дорогих и значительных путешествиях. Его уже привлекал не отдых как таковой. Нет. Цель его поездок состояла в том, чтобы перейти на совершенно новый уровень жизни. Быть рядом с теми людьми, кто понимает жизнь, ценит её красоту, целесообразность и удобства. Кто наслаждается лучшими вещами, дорогими напитками и изысканными блюдами французской кухни. Пряности, травы, вкуснейшие сыры и вино заставляли сердце Павла Васильевича биться чаще. Конечно, всегда быть рядом с людьми, живущими среди роскоши, стоило больших расходов. Но он трудился много и напряжённо, отказывая себе во всём, чтобы один раз в году неделю пожить и насладиться счастливой жизнью богатых. Павел Васильевич с недавнего времени совершенствовал английский язык с репетитором и просматривал программы с классической музыкой. Он выделил для себя несколько исполнителей фортепианной музыки, чтобы посещать их концерты за границей. Он сидел на сайтах продажи билетов по вечерам, и однажды ему по случаю выпало счастье купить билет на «Live in Roma» — на знаменитого пианиста Григория Соколова, который исполнял музыку Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шопена и других известных композиторов. О, это было незабываемое впечатление, которое вселило в него особенную гордость! Нет, не от музыки он внутренне ликовал — в музыке Павел Васильевич не очень ещё разбирался — нет, он пришёл в восторг от людей, пришедших на знаменитый концерт в Риме. Как они были приветливы, дружелюбны, сдержанны, просто и великолепно одеты. Он не мог наглядеться на этих благовоспитанных европейцев. Ему вспомнились слова одного господина, которые он подслушал в холле Мариинского театра, говорившего красивой женщине о каком-то своём знакомом: «Что вы, он европейски образованный

человек». Теперь Павел Васильевич понимал, какие это люди — носители великой европейской культуры.

Он отвёл взгляд от компьютера вверх (казалось, он благодарил Бога за пережитые эмоции и понимание таких вещей, которые обывателю были недоступны), закрыл глаза, и память унесла его в ещё очень свежие и яркие, только что испытанные впечатления. Ах, какая сладость понимать, что самая длинная минута — это минута воспоминаний, в неё умещаются годы...

Пятизвёздочный отель в Петербурге назывался «Trezzini Palace» и был расположен на Университетской набережной Васильевского острова, в пятнадцати минутах от Исаакиевского собора и старой биржи. Но архитектурные достопримечательности Северной столицы не были целью его поездки. Ходить по улицам и рассматривать старинные камни, по существу, не русского города, уподобляясь толпам туристов, которые, как овцы по соломе, снуют туда-сюда, движимые праздным любопытством, не привлекало Павла Васильевича. При покупке билета он заказал дополнительную услугу: чёрный фирменный автомобиль «Чайка» — особая гордость отеля — с яркой надписью на боку крупными золотыми буквами: TREZZINI PALACE Saint Petersburg, который ожидал его у Московского вокзала Санкт-Петербурга с водителем в белых перчатках, встречавшим его на перроне с табличкой «Господин Егоров».

Из роскошного автомобиля Павел Васильевич любовался прямыми широкими проспектами знаменитого города и страстно жаждал увидеть внутреннее убранство впечатлившего его отеля. Сердце его трепетало от волнения. Двухместный номер люкс-премьер, с одной кроватью, с террасой, ожидал своего нового хозяина, в котором он проведёт предстоящую неделю. Залы отеля были отделаны мрамором, ценными породами дерева, инкрустацией, дорогими огромными люстрами, широкими лестницами, светящимися витринами для истинных ценителей красоты и любителей богатой, изысканной жизни. Вся обстановка льстила дорогому гостю. Отношение персонала отеля на ресепшен подчёркивало его важность, зна-

чительность и почти непреходящую ценность. Существование его получило такую полноту и независимость, что, казалось, ему уже нечего желать. В такие моменты Павел Васильевич доходил почти до опьянения. Весь мир был у его ног. Он как-то даже распрямился, приподнял голову и заговорил не свойственным ему, неторопливым, вкрадчивым, тихим голосом, чтобы они насторожились в его присутствии и внимательно прислушивались к нему:

— Какое у вас есть самое дорогое вино? — спросил Павел Васильевич.

— Одну минуту, — сняв трубку, ответила молодая красивая девушка в белой накрахмаленной блузке, — я приглашу сомелье, он поможет подобрать вам нужное вино. — И тихонько, почти шёпотом произнесла в трубку: — Подойдите к стойке администрации. Молодой господин приглашает вас для консультации. Ещё будут какие-нибудь пожелания? — обратилась она к гостю приятным голосом.

— Да. Завтрашний вечер я бы хотел провести в Мариинском театре с маэстро Гергиевым. — Павел Васильевич, довольный, улыбнулся своей удачной шутке.

— Конечно, — улыбнулась в ответ милая девушка, — для гостей нашего отеля мы оставляем билеты в лучшие концертные залы и театры Петербурга.

— Пришлите ко времени машину и позвоните мне.

— Конечно, конечно, — радостно и участливо ответила девушка, — всё сделаем в лучшем виде. Какой желаете автомобиль? Тот, который привёз вас к отелю?

— Нет, пришлите BMW.

— Хорошо.

В этот момент из ресторана «Мария Карлота» вышел человек в чёрных брюках, чёрной жилетке и белой рубашке с длинными рукавами. Он был темноволос, кудряв и румян.

— Чем могу служить? — сказал он, обращаясь к господину Егорову.

— Я затрудняюсь выбрать вино на вечер в свой номер.

— Что вы будете есть? Какому меню вы отдадите предпочтение? Это важно при выборе вина. И какая ценовая политика устроит вас?

— Ценовая политика меня не интересует, — небрежно отреагировал Павел Васильевич, — меня волнуют качество, вкус вина и соответствующей ему еды. Подскажите мне что-нибудь?

— О, конечно, с огромной радостью!

Сомелье раскрыл перед Павлом Васильевичем винную карту, которую захватил с собой, и, указывая пальчиком на бутылку с дорогим вином, проговорил:

— Рекомендую вам вино «Ribtra del Duero DO Valbuena». Красное. Сухое. Виноград Мерло Темпранильо, импортировано из Испании. 2015 год, бутылка 0,75 литра. Цена 31680 рублей. Я думаю, если вы к нему закажете твёрдые сыры французские или швейцарские, мясные закуски, сырокопчёные колбасы, тонкие ломтики вяленого окорока или хорошую ветчину — всё это поможет вам раскрыть букет этого великолепного напитка.

— Я принимаю ваше предложение, — вяло сказал Павел Васильевич, — подайте в номер к семи часам вечера.

— Прекрасный выбор, — заключил довольный собой сомелье, — в 19:00 всё будет доставлено в номер. На какое количество персон подать приборы?

— На одну персону.

— Хорошо, — как-то странно произнёс человек в чёрной жилетке и едва заметно улыбнулся.

— Господин Егоров, возьмите ваш ключ, — девушка протянула Павлу Васильевичу электронную карточку, — ваш багаж донесут и вас проводят. Пройдите к панорамному лифту.

Она указала дорогому гостю своей тонкой длинной ладошкой направление движения.

Довольно грузный портё в ливрее катил чемодан Павла Васильевича до номера и, приложив свою карточку, распахнул перед ним дверь. Павел Васильевич протянул ему тысячную купюру со словами:

— Благодарю вас, дальше я в помощи не нуждаюсь.

Портё учтиво поклонился гостю и бесшумно удалился по мягкому коридору.

Затворив за собой деревянную дверь в номер, Павел Васильевич, не разуваясь, вошёл в

гостиную, затем в спальню и упал спиной на кровать под высоким балдахином. Несколько минут он наслаждался настоящей свободой и возможностью использовать её так, как он хотел, чтобы получать от жизни полное удовольствие. «Может быть, жизнь человеку дана лишь для одного какого-то удивительного события, которое сделает его по-настоящему счастливым, — думал Павел Васильевич. — У меня впереди шесть счастливых дней, которых хватило бы на шесть человеческих жизней». Вполне довольный собой, Павел Васильевич приподнялся и огляделся: над ним возвышался пурпурный балдахин с золотыми кистями; огромных размеров кровать, застеленная атласным покрывалом, в изголовье — с четырьмя огромными белоснежными подушками.

Он приподнялся, вошёл в ванную комнату и обнаружил на длинном белом столе из мрамора высокую вазу с букетом из одиннадцати белых роз. Они отражались в огромном зеркале. Он наклонился к цветам и был поражён — свежие, с великолепным приятным запахом. Умывшись, он обтёрся мягким полотенцем и вышел из ванной комнаты, увидел у кровати небольшой диванчик с подушечками и инкрустированный деревянный столик перед ним. У стены стояли барочные кресла, посередине располагался деревянный резной комод, а над ним светилась лаком телевизионная плазма. Гостиная была обставлена в том же барочном стиле — просторный диван, кресла, комод, витрина, бар, огромный телевизор и хрустальная большая люстра. На полу сверху мягкого покрытия лежали приятные персидские ковры. Павел Васильевич принял душ, надел халат, перепоясался и взглянул на часы. Они показывали восемнадцать тридцать вечера. Павел Васильевич, утомлённый, прилёг на диван, включил телевизор и, почувствовав усталость, расслабленность во всём теле, несколько задремал. И увидел себя мальчишкой лет шести у родного деревенского дома, лежащим на траве в солнечный день у завалинки, белёной извёсткой, по которой бежали один за другим «пожарники». Он преграждал им путь маленькой чумазой ладошкой. Они огибали её и следовали одной им известной дорогой. Вдруг

он услышал грохот упавшего ведра в сенцах и голос ещё живой матери: «Павлушка, загони цыплят! Дождик собирается!» Павел Васильевич очнулся и отчётливо разобрал осторожный стук в дверь. Он подскочил и бросился открывать. На пороге в полутёмном гостиничном коридоре стоял молодой официант и, указывая на столик с колёсиками, произнёс:

— Ваш заказ, пожалуйста.

Павел Васильевич пропустил его в номер. Тот аккуратно подкатил столик к дивану и, уходя, спросил:

— Может быть, вам откупорить бутылку с вином?

— Я сам это сделаю, не лишайте меня истинного мужского удовольствия.

Официант улыбнулся.

— Только скажите, во сколько вам завтра утром доставить завтрак? Если вас не затруднит, взгляните на меню, оно лежит на письменном столе. По телефону сообщите, что будете заказывать на завтрак. Контакт внизу меню.

— Хорошо, благодарю. Завтрак в девять утра.

Кивнув, официант ушёл, а Павел Васильевич, совершенно забыв про моментальный сон, вспыхнувший как видение в его голове, приподнял белые салфетки со столика на колёсах и погрузился в изучение доставленных яств.

На круглой деревянной доске, прикрытой сферической стеклянной крышкой, лежало разнообразие из твёрдых сыров — «Пармезана», «Золота Швейцарии», «Горного сыра» и сыра «Грюйер». Сыры «Камамбер» и «Бри» располагались на отдельной сырной тарелочке, и тоже прикрытой. Сладкие соусы к сырам — из груши, сливы и винограда — находились в специальных розетках. На синей фирменной тарелке с золотым орнаментом по краям и надписью посередине «Trezzi Palace» подавались мясные закуски, сырокопчёные колбасы, тонкие ломтики вяленого окорока и ветчины. Бокалы, приборы и бутылка вина со штопором стояли внизу тележки, в защищённом от падения месте. Сглатывая слюну, Павел Васильевич извлёк бутылку с вином и принялся откупоривать её. С громким характерным звуком пробка выскочила из тёмного горлышка,

обнажив сверкнувший ободок его, и пурпурная жидкость полилась в большой, сияющий радостью бокал. Павел Васильевич расположился на диване. Он почувствовал легкое головокружение от разносящегося аромата «Мерло Темпранильо», терпких сыров, колбас «Сальчичон» и вяленого окорока. Он взял в правую руку бокал с вином, в левую руку — кусочек сыра, поднёс бокал к самому носу и, закрыв глаза, едва слышно вдохнул...

Слёзы наполнили его глаза. Он походил на ребёнка, который получил давно желанный подарок, и счастье охватило его всего — и душу, и сердце, и весь состав физического тела.

— ...Павел Васильевич, нас требуют к шефу, — услышал он над собой голос экономиста предприятия Саввы Марковича.

Павел Васильевич очнулся и как ни в чём не бывало отправился в приёмную к начальству вслед Саввы Марковича.

Разговор состоялся короткий, из которого следовало требование интенсивности в работе и увеличение ответственности за предстоящий полугодовой отчёт.

Вернувшись за свой стол, Павел Васильевич вновь погрузился в воспоминания. Но они уже были не столь сладостны в результате возникшего в душе напряжения после разговора с шефом. Но он вспомнил, как отправился в Мариинский театр на «Торжественную мессу» Людвиг ван Бетховена. Выступали солисты, хор и Симфонический оркестр театра. Дирижировал маэстро Валерий Гергиев. Павел Васильевич заранее вышел в холл отеля, уселся в удобные кресла, чтобы посмотреть, кто из гостей отеля будет отправляться в знаменитый на весь мир театр. Работники на ресепшен заметили господина Егорова. Он не ошибся в своих ожиданиях. Вот швейцар встречает знаменитого французского актёра Жерара Депардье, который шумно спускается с лестницы и мило со всеми раскланивается. Он направляется вслед за швейцаром к шикарному автомобилю. Через пять минут в холле отеля появляется седовласый пожилой человек, но удивительно изящный, лёгкий и очень богато, с лоском одетый. Его под руку держит молодая женщина

лет тридцати пяти. Вероятно, его жена. Все, кто находится в холле в эту минуту, с любопытством рассматривают эту счастливую пару. Их провожает к выходу чопорный и излишне заботливый швейцар. Следующим был приглашён к автомобилю господин Егоров. Павел Васильевич встал и медленной походкой последовал за швейцаром, который открыл дверь BMW и, дождавшись, когда господин уселся на заднее сиденье, прикрыл её.

— В Мариинку? — услышал басовитый голос водителя Павел Васильевич.

И кратко бросил утвердительно:

— Да, в Мариинку.

«Как много на свете довольных, счастливых людей, — думал Павел Васильевич, сидя на заднем сиденье шикарного большого автомобиля. — Как их много и какая это растущая сила! Они создали и создают великое искусство, прекрасные города, автомобили, неподдающуюся пониманию электронику, мостовые и тротуары, одежду, изысканную еду! Они научились быть учтивыми и благовоспитанными. Они способны понять и ценить великое, красивое, целесообразное, они могут наслаждаться плодами своего творческого труда! Они не способны на разрушение, как невежественные варвары! Взгляните на эту жизнь без тупой оглушённости и гипноза от воздействия телевидения на сознание обывателя, и вы увидите наглость, праздность сытых и сильных! Это воры и разбойники, нагло вошедшие, незаслуженно, в не принадлежащую им жизнь. Они передвигаются на дорогих автомобилях, владеют богатой недвижимостью, оставаясь невежественными! Посмотрите ещё на скотоподобие слабых. Кругом бедность и нищета, скудость мысли, теснота, пьянство, вырождение, лицемерие и тотальное враньё о будущем благополучии, которого никогда не будет. В семидесятитысячном городе, в котором на улицах царит тишина, не найдётся ни одного человека, который бы возмутился и крикнул во всеуслышание: «Доколе?»»

Мы видим тех, которые идут на рынок за едой и бедной одеждой, днём едят, по вечерам хохочут у телевизора, по ночам спят, несут свою чепуху, женятся, старятся, благодушно

везут своих покойников сначала в церковь, не разбирая ни единого слова в устах священника, потом тащат на кладбище и с умиленным выражением лица бросают горсть земли на крышку наспех сбитого гроба под красной материей... Никак я не могу согласиться с такой жизнью, — шептал Павел Васильевич, — никак не могу». Его даже передёрнуло от внезапно нахлынувших на него невесть откуда взявшихся мыслей...

Время шло. Осенью началась пандемия. Над Павлом Васильевичем нависло несколько угроз: потеря работы, страх заболеть смертельным вирусом и невозможностью выехать за границу. Павел Васильевич крепко задумался. Что ожидает его впереди?

Первая угроза отпала сама собой. Отец Варвары Всеволодовны, господин Кипелов, предложил работать онлайн, и Павел Васильевич согласился. Также он педантично и ответственно следил за своим здоровьем. Ежегодно каждую осень он приходил в городскую поликлинику и просил привить его от сезонного гриппа. Когда появились маски, ПЦР-тесты и прививки, Павел Васильевич не спешил. Ему важно было сделать европейскую прививку против коронавируса, и он искал возможность достать её. Наконец в ограниченном количестве стали поступать вакцины, которые одобрило Европейское агентство по лекарственным средствам ЕМА, он достал для себя вакцину «Pfizer» и немедленно привился ею. Решились все проблемы сразу — работа, возможность выехать за границу и абсолютная защищённость от смертельного вируса. И он с нетерпением ждал ревакцинации.

Поездка, которую вынашивал Павел Васильевич, требовала особенных сбережений. Он чертил план и готовился к ней основательно. Жил он скупко: недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и всё копил и клал в банк. Страшно жадничал. Он решил два года не лететь за границу, но компенсировать эту невозможность поездкой в Северную столицу на концерт пианиста Григория Соколова, который, как правило, в апреле, в месяц своего

рождения, исключительно в Большом зале филармонии даёт единственный концерт в России. За несколько месяцев Павел Васильевич охотился на сайте филармонии за билетом, и ему посчастливилось его приобрести. Он будет среди лучших ценителей фортепианной музыки в России на концерте лучшего пианиста современности! Эта мысль приближала его к заветной мечте принадлежать к особому классу людей, способных понимать и ценить настоящее в быстротекущей жизни.

Но планировал он совершенно другое. Павел Васильевич словно уже побывал в этом вожделенном месте. Исходил узкие дороги по булыжной мостовой старого города, прошёлся по знаменитым красным дорожкам ко Дворцу фестивалей, по узким улицам городка, которые были наполнены торговцами всякой всячиной, наблюдал, сидя на камнях, там, внизу, такой обжитый и уже родной лазурный залив со множеством яхт, которые кому-то из счастличиков принадлежали. Он наблюдал за движением дорогих автомобилей, за которыми двигались в машинах не столь дорогих телохранители и обслуга. Стоило остановиться красной, сверкающей лаком на солнце «Ламборджини», как сейчас же из машины прислуги выбежал человек в чёрном, чтобы открыть дверь хозяину денег, выпустить его, а машину сопроводить в безопасное место под охрану. Как колотилось сердце Павла Васильевича Егорова: хотя бы на один день арендовать яхту, не «Eclipse», конечно, попроще, — и уплыть на ней в Средиземное море с командой, обслугой и роскошным обедом с устрицами...

В такие часы мечтаний Павел Васильевич открывал платяной шкаф, снимал с вешалок рубашки, костюмы и тщательно одевался. На шею, под воротничок пристёгивал чёрную бабочку, которая особенно подчёркивала его элегантность. Из кладовки извлекал испанские туфли «пеколинос» и медленно, театрально переставляя ноги, подходил к большому зеркалу в коридоре. Приятная волна накрывала его с головы до ног и физически ощущалась всем телом, которое испытывало приятную дрожь. Он становился лицом к зеркалу, приподняв фалды пиджака и запуская руки в карманы брюк. По-

ворачивался боком, выставляя ногу вперёд, затем спиной и, свернув шею, любовался собой сзади, разглядывая себя словно чужими глазами. Насладившись, Павел Васильевич шёл к столу, эффектно откупоривал бутылку с минеральной водой, наполнял бокал и, отведя мизинец в сторону, цедил безвкусную жидкость. Но воображение Павла Васильевича так меняло весь физический состав его, что рецепторы во рту чувствовали дорогой напиток — вино «Мерло Темпранильо». Фантазируя таким образом, он незаметно доходил до опьянения, земля ускользала из-под ног его. Глаза покрывались блеском, синюшные губы тряслись, лицо становилось бледным и принимало совершенно несвойственное для Павла Васильевича выражение. Оно делалось угрожающим. И по мере того как развивалась фантазия, весь воздух вокруг наполнялся видимыми призраками, с которыми он вступал в сладостную воображаемую борьбу. Казалось, что создаётся некая мнимая действительность, которая по мере болезненного развития принимала различные формы, и они облекались во всё новые и новые мотивы, которые бесконечно варьировались с неожиданными, невероятными ходами. При этом тело выделявало хаотичные движения, а губы бормотали невразумительные слова, которые, казалось, не разбирал и сам Павел Васильевич. Это всё напоминало экстаз, род эзотерического сеанса, ясновидение, когда воображаемое приобретает почти осязательную форму. Это была не вера, которая обличает вещи невидимые, а сладострастие сердца, умственное распутство. В такие моменты, видимо, люди перестают быть людьми, они словно обезчеловечиваются.

Павел Васильевич с каким-то внутренним порывом садился к планшету, открывал Ютуб и прогуливался по бульвару Круазет. Он бросал взгляд то на берег моря с красивыми пляжами, оборудованными шезлонгами и зонтами от солнца. Флаги трепетали от горячего ветра. Звучала музыка, то отдаляясь, то приближаясь по ходу движения Павла Васильевича. То он смотрел на роскошные отели, через дорогу от набережной, на другой стороне бульвара. Но его путь был заранее определён. Он шёл к

отелю «Ритц Карлтон». Высокие пальмы вдоль набережной бросали тень. «Как всё продумано, — шептал Павел Васильевич, — везде стоят лавочки, красивые синие деревянные кресла, столы с шахматами. Можно сесть и пригласить старенького скучающего жителя Канн и сыграть с ним партию. Они, аборигены, пока ещё их ноги способны двигаться, идут, потрясая седыми редкими волосами. Сидят здесь, кажется, всегда, изо дня в день, и ни о чём не думают. Они и не думали ни о чём никогда. Их жизнь есть сплошная грёза о земном счастье, которое всегда маячит у них впереди, и, кажется, протяни руку — и оно коснётся тебя, закружит и унесёт туда, где живут такие же люди, которые ни о чём не думают. Только старость сковывает их движения в стремлении к счастью. И грёза становится единственной мыслью, единственным сном, заменившим их настоящую жизнь».

Наконец, с левой стороны он видит само великолепие архитектуры — белое царское здание отеля «Ритц Карлтон». Даже приближение к нему требует от человека свободы, уверенности и знания, как себя вести, как подать себя в присутствии метрдотеля. В этом отеле многие номера названы именами их знаменитых постояльцев.

Павел Васильевич мечтает поселиться в номере «Элтон Джон». Почему, спросите вы? Потому что он помнит, как знаменитый певец исполняет то в красном, то в белом смокинге и цилиндре известную песню «I'm Still Standing». Как певец выходит из отеля, напевает слова песни своим «металлическим» голосом и направляется к пляжу, где поёт и танцует с кордебалетом. Эта картина стоит в памяти Павла Васильевича с давних пор и возбуждает в нём некогда появившееся состояние блеска жизни, лёгкости бытия, абсолютной свободы и беззаботности...

На сентябрь 2022 года была намечена поездка в Канн. Но события в мировой политике разрушили все грёзы и планы маленького человека господина Егорова. Америка и Европа ввели санкции против России, и все связи с этими странами прекратились. Павел Васильевич возненавидел войну, правительство страны и президента. Он увидел, как разделилось обще-

ство, и тайно поддерживал людей, выступающих за прекращение войны. Он стал называть себя пацифистом и говорил о знаменитостях, которые были для него некогда кумирами, а сейчас поддерживали русский мир, публично выступая по телевидению, — «они для меня больше не существуют». Западные компании ушли из России, и «Агрокомплекс плюс» Всеволода Кипелова перестал существовать. Поговаривали, что отец с дочерью Варварой Всеволодовной эмигрировали в Германию, продав акции и недвижимость в России.

Павел Васильевич остался один и без источника доходов. Он стал искать возможность улететь за границу через третьи, дружественные России страны. Но собранные деньги предполагали постоянное пополнение, потому что тотальная трата их на мечту означала погружение себя в настоящую беспросветную бедность. При планировании ближайшего будущего выходило, что господин с бульвара Круазет останется совершенно голый, бедный, одинокий. Иногда ему приходили мысли оставить мечту, а на отложенные деньги уехать в Грузию и начать там новую жизнь, как это сделали многие. Но отказаться от мечты означало для Павла Васильевича умереть. И он решился на осуществление намеченного им путешествия.

После прилёта в Стамбул в аэропорту Павлу Васильевичу стало плохо. Он потерял сознание. По страховке его забрала карета скорой помощи, и он оказался в стамбульской клинике, где внезапно умер от остановки сердца...

При нём нашли десять тысяч евро, а в телефонной книжке номер его первой жены Марины Егоровой и сообщили ей о смерти бывшего мужа. Согласовывали с ней траты на бальзамирование тела и отправку его в Россию через московскую службу доставки умерших через границу... Услышав сумму в девять тысяч евро за услуги, Марина Сергеевна пошатнулась и хотела отказаться от мужа. Но её успокоили, сказав, что муж отложил на непредвиденные расходы деньги. Забальзамированное тело Егорова везли через Восточную Европу три дня в автомобиле «Фольксваген», в чёрном пакете со льдом. Сопровождающие, водитель автомобиля и агент, останавливались в отелях Софии, Бухареста, Люблина. Они проводили вечернее время с большим удовольствием в ресторанах, когда машина с телом Егорова стояла на стоянке у отеля, и никто не знал, что за груз находится в ней...

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН —

поэт, прозаик, литературный критик, эссеист,

переводчик. Автор семнадцати книг. Ряд произведений

переведены на иностранные языки

и изданы за рубежом.

Секретарь Союза писателей России.

Действительный член Академии

русской словесности.

